

- История глазами психиатра
 -
 - А.Е. Личко — великий русский психиатр
 - •
 - Иван Грозный как пример паранойяльного развития на почве эпилептоидной акцентуации характера
 - И. В. Сталин (Джугашвили) как пример паранойяльного развития на почве шизоидной акцентуации характера
 - •
 - А. Гитлер (Шикльгрубер) как пример паранойяльного развития на почве истерической психопатии.
 -
 - Истерический преморбид
 - Существует ли связь между паранойяльностью и гомосексуализмом?
 - О гипертимном типе акцентуации характера как основе паранойяльного развития
 - Александр Керенский и Георгий Гапон — истерики, рвущиеся к власти
 - БИБЛИОГРАФИЯ
-

История глазами психиатра

В книгу включены крупные статьи известного русского ученого-психиатра, рассматривающего с патопсихологических позиций видные исторические фигуры. В них показано, как психическая патология или выраженные аномалии личности реализуются в конкретных исторических ситуациях, в особенностях художественного творчества, как порой болезнь психики отдельного государственного деятеля становится «болезнью» всего общества, деформирует сознание современников, ведет к величайшим злодеяниям.

Анализ психики некоторых выдающихся личностей по сути проведен впервые. Стройное и четкое литературное изложение сложнейшей проблемы — душевного расстройства у гения — делает книгу незаменимой для историков, философов, психологов, психиатров

Работа автора сегодня современна как никогда.

А.Е. Личко — великий русский психиатр

Андрей Евгеньевич Личко родился в 1926 году в г. Луга Ленинградской области. Всю свою сознательную жизнь прожил в Ленинграде, воевал, закончил медицинское училище, затем в 1951 году — 1-ый ленинградский медицинский институт имени академика И.П. Павлова, в 1953 — аспирантуру в психиатрической клинике Института физиологии АН СССР имени академика И.П. Павлова. Весь дальнейший его трудовой путь связан с практической психиатрией: занимал должность ученого секретаря института имени И.М. Сеченова, в дальнейшем — заместителя директора по научной работе в институте им. В.М. Бехтерева, работал лечащим врачом, консультантом в 3-й психиатрической больнице, внес огромный вклад в инсулиношоковую терапию. Профессор А.Е. Личко является основоположником подростковой психиатрии, создателем научной школы. Он автор руководств для врачей «Психопатии и акцентуации характера у подростков», «Подростковая психиатрия», «Подростковая наркология», «Учебник психиатрии для студентов медицинских институтов» и многих других. Им опубликовано свыше 200 научных работ. Под его руководством защищено огромное количество кандидатских и докторских диссертаций. Даже пораженный тяжелым недугом он продолжал консультировать больных, руководил научной деятельностью.

Обладая энциклопедической широтой знаний, Андрей Евгеньевич всегда доброжелательно передавал их коллегам, не делая различий между врачом, только что закончившим институт, и опытным сотрудником. Многие его методики диагностики и лечения психиатрических и наркологических больных используются в работе крупных медицинских центров, в том числе специалистами центра «Бехтерев» в Санкт-Петербурге. Несмотря на то, что Андрей Евгеньевич долгое время работал профессором-консультантом, он всегда с негодованием отвергал предложения власть предержащих об участии в акциях пси-

хиатрического подавления инакомыслящих, всегда выступал против использования психиатрии в репрессивных целях.

Общеизвестно, что в советское время достигнуть звания профессора, или даже защитить докторскую диссертацию, не будучи членом КПСС, было чрезвычайно затруднительно. Андрей Евгеньевич, занимая должность заместителя директора института, так и остался беспартийным. Ему было несвойственно, в отличие от многих коллег-профессоров института, менять свои политические взгляды в зависимости от ситуации: от верноподданничества до псевдодиссидентства и «демократичности». Андрей Евгеньевич, как настоящий, ученый жил интересами науки, стремился быть максимально полезным своему народу как мыслитель и врач-психиатр, видя в этом свое высокое гражданское предназначение. Судьба каждого отдельного пациента, призывника, подследственного душевнобольного подростка была для него много важнее патетических рассуждений о реабилитации психически больных в масштабах стран социалистического лагеря.

Огромная литературная одаренность замечательно реализовалась в писательском творчестве Андрея Евгеньевича. Читатели увидят значительные исторические фигуры, судьбы известных деятелей человечества глазами психиатра и при этом не как сухие отчеты из истории болезни, а как зрелые исторические произведения, обладающие высокой художественной ценностью.

Вся научная деятельность Андрея Евгеньевича имела мощный гуманитарный акцент. Психопатологические типажи, выписанные им в монографиях живым, литературным языком, остались в сокровищнице отечественных клинических описаний. Даже шкалированные опросники — сугубо специальные руководства — одушевлены им, благодаря прекрасному стилю, необычайно лаконичны и емки. Из огромного количества современных психологических опросников знающие специалисты неизменно выбирают методики Андрея Евгеньевича как объективно достоверные, так и чрезвычайно удобные в работе. У Андрея Евгеньевича не осталось огромной школы последователей, возможно в силу очень большого отрыва его таланта от среднего конформистского уровня. Но те немногие, кого он считал действительно своими учениками, продолжают его научное направление, верны его памяти. Они сделают все возможное, чтобы в это тяжелое время обесценивания духовности созданное профессором А. Е.

Личко огромное творческое наследие не исчезло безвозвратно, но досталось будущим поколениям. *С. Ю. Зефилов, врач-психиатр, КМН*
А. А. Чумаченко, врач—психиатр

известно, что паранойяльная психопатия (параноидное расстройство личности по МКБ-10) и акцентуация характера того же типа, в отличие от других типов девиаций характера, чрезвычайно редко начинает проявляться в подростковом и юношеском возрасте [3, 4, 8]. Паранойяльный тип обычно раскрывается в пору полной социальной зрелости — в 30—40 лет, хотя в эпоху акселерации развития появились указания о возможности формирования паранойяльной психопатии в 20—25 лет [12]. Только с возраста социальной зрелости становятся очевидными основные черты психопатии паранойяльного типа. Самой важной из них П. Б. Ганнушкин [2] считал сверхценную идею об особом значении собственной личности, отчего проистекает чрезмерное самомнение, неспособность прощать со стороны окружающих ни равнодушие к себе, ни несогласие, крайний эгоизм, бесцеремонное отношение к другим, обидчивость и подозрительность.

К сожалению, в МКБ-10 [13] среди признаков «параноидного расстройства личности» совершенно не учитывается склонность к сверхценным идеям [9]. Следует напомнить, что термин «параноидный» в англоязычной психиатрии вовсе не означает «бредовой» и в данном случае соответствует немецкому «паранойяльному». В качестве признаков параноидного расстройства личности выделяются: 1) чрезвычайная чувствительность к «препятствиям» и «отказам» — очевидно, имеются в виду отказы в своих притязаниях и препятствия на пути достижения того, на что убеждены, что, безусловно, имеют право, 2) злопамятность в отношении оскорблений и обид, а также постоянная тенденция к недоброжелательности и зависти; 3) подозрительность и все проникающая склонность искаженно воспринимать происходящее, неправильно истолковывая нейтральные и даже дружественные действия других как проявления недоброжелательства и враждебности к себе; 4) воинственное и упорное отстаивание собственных прав, не считаясь с обстоятельствами; 5) склонность к патологической ревности; 6) ощущение чрезвычайной важности

собственной особы, что постоянно проявляется 7) озабоченность заговорческим истолкованием событий вокруг них и во всем мире. Если паранойяльные черты характера отчетливо выступают в зрелом возрасте, то что же представляли подобные личности в детские и юные годы⁹ Сведения в психиатрической литературе об этом довольно скудны Б В Шостакович [12] отметил, что им с детства бывают свойственны односторонние увлечения (черта наиболее присущая шизоидам), упрямство и прямолинейность А Б Смулевич [10] указал на иные черты лживость, мстительность, склонность клеветать и жаловаться на других, замечать чужие недостатки, но не признавать свои

Относительно позднее проявление паранойяльной психопатии наводит на мысль, что ее развитию предшествует определенная почва в виде девиаций характера других типов Обращалось внимание на сходство паранойиков с шизоидами [2], с эпилептоидами [5], с истерическими, возбудимыми и даже астеническими типами психопатии [8] Последнее, видимо, относится к сенситивному типу Еще И П Павлов [7] сопоставлял различия «паранойи Крепелина» с «паранойей Кречмера» — сенситивным бредом отношения С нашей точки зрения, сенситивная психопатия и акцентуация характера в юности не может служить почвой для паранойяльной психопатии Слишком полярны основные характерологические черты комплекс собственной неполноценности, низкая самооценка, большая чувствительность и впечатлительность [4] Что касается «возбудимых», то к ним могут быть отнесены и эпилептоиды, и гипертимы [4]

В итоге почвой для формирования паранойяльной психопатии и на ее основе достигающего психотического уровня паранойяльного развития личности могут оказаться проявляющиеся еще в подростковом и юношеском возрасте психопатии и акцентуации характера эпилептоидного, шизоидного, истероидного и гипертимного типов

Попытаемся проиллюстрировать сказанное на примерах исторических личностей и общественных деятелей разных эпох.

Иван Грозный как пример паранойяльного развития на почве эпилептоидной акцентуации характера

Личности Ивана Грозного было посвящено специальное монографическое исследование одного из известных русских психиатров — П И Ковалевского. Вышедшая еще в XIX веке его книга «Иван Грозный и его душевное состояние» полна интересных наблюдений и умозаключений. Но осуществленный в этой книге психопатологический анализ выполнен на уровне психиатрической науки конца прошлого века. П И Ковалевский все анализирует с позиций учения о дегенерации (наследственного вырождения), оставленного в наше время. Он рассматривает царя Ивана как наследственного дегенерата, заболевшего сперва неврастенией, которая затем превратилась в паранойю.

Еще ранее попытку осветить «душевную болезнь царя Ивана Васильевича IV Грозного» предпринял Я Чистович. В приложениях к его книге «История первых медицинских школ в России» (СПб, 1883) есть небольшая статья на эту тему, в которой, однако, содержатся почти все основные положения, развитые затем П И Ковалевским.

Как указывалось, паранойяльность обычно проявляется в возрасте 30 — 40 лет. Труды русских историков² свидетельствуют, что ужасы в царствование Ивана Грозного начались после того, как ему исполнилось 30 лет. Предшествующий период, связанный с деятельностью умных сподвижников Ивана — Сильвестра и Адашева — ознаменовавшийся успешными завоеваниями, упрочением единого независимого русского государства, называют даже «золотым веком» в царствование Ивана.

В сокращенном виде данный очерк был опубликован в 1965 г в журнале «Наука и религия» (№ 11 с 40 — 43). По рекомендации «руководящих товарищей» в частности были изъяты все сведения об идеях величия у Ивана Грозного и о его гомосексуальных склонностях.

Развертыванию паранойяльной картины часто предшествует какой-либо толчок (психическая травма, телесное заболевание). Подобное случилось и в жизни царя Ивана: в начале четвертого десятка

жизни он перенес какое-то смертельно опасное заболевание, а вскоре после этого потерял первую горячо любимую жену Анастасию, по которой тосковал до конца дней.

В 1564 г. царь Иван Грозный со своей семьей, узким кругом доверенных лиц, захватив с собой казну и дворцовое имущество, неожиданно покинул Москву и отправился жить в Александровскую слободу. Причиной бегства явились непрестанные мысли о преследовании со стороны бояр, о мнимых заговорах, хотя, как свидетельствуют историки, к тому времени не только что заговоров, но и какого-либо неповиновения со стороны бояр уже не было. По-видимому, мысль о спасении бегством и позже неоднократно вспыхивала в сознании Иоанна. В своем завещании, написанном около 1572 г., он серьезно изображает себя изгнанником, скитальцем. В. О. Ключевский писал о его намерении бежать в Англию и искать пристанища у английской королевы.

С бегством Ивана из Москвы царство осталось без царя. Принимая посольство с мольбами вернуться на царство, Иван сказал о боярах: «Извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасию Романовну, и, если бы бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы и нас, с нашими детьми. Того ради, избегая зла, мы поневоле должны были удалиться из Москвы...».

Как свидетельствуют летописи, в период бегства из Москвы во внешности царя Ивана внезапно произошли резкие перемены. Прежде статный и красивый он вдруг постарел, осунулся, на голове и бороде его внезапно выпали почти все волосы. Как пишут летописи, царь стал «нелеп», то есть некрасив.

Царь Иван согласился вернуться в Москву при условии предоставления ему по сути дела неограниченной полицейской диктатуры, права расправляться с кем захочет и как захочет и чтоб никто ему в этом не перечил. Даже духовенство лишено было права просить царской милости к осужденным.

Кремль — древняя резиденция московских великих князей — уже не казался Ивану безопасным. Он стал жить то в укрепленной Александровской слободе, окруженной заставами и дозорами, то в специально выстроенном для него дворце на Неглинной за глубокими рвами и высокими стенами.

Но главное — с целью обеспечения своей безопасности царь создал опричнину — особую касту людей, пользующуюся неограниченным правом убивать царских врагов и грабить их имущество, ни от кого, кроме самого Ивана, независимых, ни с кем, кроме него, не связанных, молодых, отчаянных, часто с темным прошлым, готовых на все, отрекшихся от друзей и родных. Опричнина — отряд в тысячу человек, впоследствии увеличенный до шести тысяч — стал специальным корпусом дозорщиков внутренней крамолы. Его цель была не просто охрана существующей власти, а постоянное выискивание царских врагов, вынюхивание возможных заговоров и всякого недовольства. Между тем, авторитетные историки свидетельствуют, что в создании подобного рода корпуса в то время не было никакой необходимости. Политическая сила боярства была подорвана предшествующим периодом царствования Ивана. Местничество лишало боярство способности к дружному действию. Знатнейшие бояре своим правлением в период малолетства Ивана приобрели только ненависть народа. Боярская крамола в этот период не шла далее помыслов с целью сохранения собственной жизни бежать в Литву. Ни о каких заговорах, ни о каких-либо готовившихся покушениях со стороны бояр не писали современники.

Разгул опричнины был страшен — ежедневно в Москве убивалось по 10—20 человек. Трупы валялись на улицах и никто не смел их убирать. Опричнина довела крестьян до такого разора, как будто по селам прошла неприятельская армия. Вся остальная часть государства, именуемая земщиной, хотя формально была независима от опричнины, но фактически была полностью бесправной и целиком ей подвластной. У земщины в пользу опричнины отнимались не только земля, но и дома и домашнее имущество. Тысячи людей посреди зимы выгоняли из дома и толпами отправляли пешком на житие в далекие пустые земли.

В условиях постоянного поиска мнимых заговоров и кажущихся измен чрезвычайного развития получил культ доносов. Царь жаждал доносов. При таком настроении царя появилась масса доносчиков, желавших гибелью других создать себе положение. Тем более, что обвинения, содержащиеся в доносах, никак фактически не проверялись. Признавалась единственная форма доказательства вины — признание обвиняемых под пыткой. Что касается пыток, то совершенство их достигло изуверской утонченности. Сам царь Иван

изобрел для этой цели специальный «жгучий состав». Естественно, что под страшными пытками люди не только признавались в своей мнимой вине, но и оговаривали других.

Для обнаружения мнимых заговоров использовался и метод провокаций — царь Иван, желая проверить преданность бояр, подсылал им подложные письма от польского короля. Если на следующий день эти письма получатель не приносил Ивану, то это признавалось убедительным признаком измены.

Жажда мести мнимым своим преследователям реализовалась у Ивана дикими массовыми репрессиями. Число казненных, убитых и замученных во время пыток в царствование Ивана Грозного исчислялось десятками тысяч. Казнили не только осужденных, но и близких и дальних родственников, их друзей, их слуг, их малолетних детей. Наряду с казнями широко практиковались ссылки в дальние, полудикие места. Впрочем, ссылка, как это и было с митрополитом Филиппом, не освобождала от последующей казни.

Ненависть к своим мнимым преследователям сперва была направлена на определенный узкий круг лиц, но затем она быстро расширяется на целые семьи, сословия, целые города и национальности. Ненавистным сословием для Ивана стало боярство — от бояр он много натерпелся в раннем детстве. Во время бегства из Москвы все боярство в целом он обвинил в тайном заговоре против него.

Национальная ненависть проявилась в крайнем антисемитизме. Небольшое число евреев в Московском государстве 16-го века не могло представлять какой-либо угрозы для царской власти. Но чем-то евреи сумели разгневать царя Ивана. Когда в войне с Польшей был взят Полоцк, Иван распорядился всех воевавших с ним поляков отпустить с миром в Польшу, а живших в этом городе евреев с их женами и детьми изловить и перетопить в Двине.

Ненависть к целым городам бывает обусловлена у параноиков каким-либо связанным с этим городом неприятным событием в их прошлой жизни, особенно если это событие большого ударило по их самолюбию. Иван Грозный возненавидел Новгород и Псков. В начале его царствования, вскоре после торжественного обряда венчания на царство, жители этих городов осмелились омрачить торжество, прислав свои делегации к царю с челобитьем на несправедливость его вельмож и некоторых из установленных порядков. Смиренные

челобитчики были обвинены в бунте, а ненависть к Пскову и Новгороду всю жизнь тлела в сердце Ивана. В последние годы своего царствования он предпринял неслыханное дело. Иван придрался к дикому и вздорному доносу о якобы возникшем заговоре знатных новгородцев, в том числе служителей православной церкви, собравшихся передать Новгород католической Польше. И вот русский царь со своим войском отправился в воинский поход против своих же городов, притом городов отнюдь не бунтующих, а являвших собою к тому времени пример верноподданчества.

Вся земля от Москвы до Новгорода была предана огню и мечу. Был сожжен Клин, разграблены Тверь, Торжок, Валдай, Вышний Волочек и другие города и поселения. Было дано распоряжение всех встречных на дорогах убивать, дабы они не могли предупредить следующие стоящие на пути города. Новгород был заранее окружен войсками, чтобы из него никто не смог выйти. Затем город был разграблен, а жители перебиты. По свидетельству разных летописей в Новгороде было убито от 15 до 60 тыс. жителей. Волхов был запружен плывущими мертвыми телами. Только случайность спасла жителей Пскова от такой же судьбы.

Объектом идей преследования со временем становятся самые близкие люди — родные, закадычные друзья. Царь Иван, подозревая в измене, умертвил своих родственников — двоюродного брата князя Владимира Андреевича, его жену, его старуху мать (монахиню) и жену его брата (то же монахиню). Кстати, в расправе с князем Владимиром Иван избрал способ, к которому, по-видимому, охотно прибегают стоящие у власти паранойяльные личности, когда хотят избавиться от лица, пользующегося авторитетом или популярностью или занимающего высокое положение. Этот способ — насильственное самоубийство. Иван заставил князя Владимира выпить яд.

Под конец заговоры и измены стали чудиться царю Ивану даже в среде излюбленной им опричнины. Ее вожди и царские любимцы — князь Вяземский, отец и сын Басмановы были подвергнуты жестоким пыткам и казнены. Сам главарь ивановского застенка Малюта Скуратов избег подозрений и казни, по-видимому, лишь потому, что погиб в одном из боев.

Рука об руку с идеями преследования у больного паранойей идут идеи отношения, а зачастую и воздействия, и отравления. Вероятно,

эти идеи также были присущи Ивану. По словам летописцев, в печальных взорах своих вельмож он усматривал предательство, а в их молчании ему слышались укоризны и угрозы. «Отгадывать» по взглядам чужие мысли — одна из характерных черт бреда отношения.

Страх быть отравленным все время тяготел над Иваном. Пищу и вино он брал только из рук Вяземского или Федора Басманова. Причину смерти своих жен — первой Анастасии, второй Марии и третьей Марфы он видел в «порче» со стороны придворных и родственников прежних жен. Тем не менее, яд и отравы сделались одним из средств для расправы с мнимыми врагами. В обязанности лейб-медика Ивана голландского лекаря Бомевилля входило приготовление ядов, а царский любимец кравчий Федор Басманов на пирах подносил от царя чаши с отравленным вином тем боярам, на которых падало царское подозрение в измене.

Не менее угнетал царя Ивана страх стать предметом воздействия колдовством и злыми чарами. Именно эти обвинения были предъявлены его бывшим любимцам Вяземскому и Басманову. Заподозрить их в измене, по-видимому, казалось невероятным даже для Ивана. Он же настойчиво повторял, что его первую любимую жену «извели».

Была обвинена в намерении «чародейством извести царя» и некая Мария, подозреваемая в близости с Адашевым — приверженцем царя в его молодые годы, на которого с годами пал царский гнев. За чародейство ее, заодно уже вместе с ее пятью сыновьями, казнили..

Если страх быть преследуемым и убитым толкал на жестокости и убийства, а страх быть отравленным на отравление других, то и страх быть околдованным обуславливал повышенный интерес к сверхъестественным предметам. Царь Иван жадно прислушивался к астрологическим гороскопам голландца Бомевилля (а гороскопы хитрого лекаря, конечно, сулили заговоры, бунты и измены). В последние годы своей жизни Иван окружил себя разного рода «колдунами» и «волхвами».

П. И. Ковалевский, анализируя психопатологическое состояние Ивана Грозного, целиком сводит его к бреду преследования.

С нашей точки зрения, в поступках и помыслах царя Ивана можно обнаружить также чрезвычайно характерные для паранойки идеи величия. На первый взгляд это может показаться парадоксальным.

Какие же идеи величия могут быть у лица и без того занимающего в своем государстве самое высокое положение?

Среди паранойяльных идей величия обычно фигурируют две. Иван Грозный первым среди московских государей торжественно церковным образом венчался на царство. Правда, титул царя впервые был принят его дедом Иваном III. Тот перед иноземными послами и в дипломатических бумагах, адресованных в другие государства, именовал себя царем и самодержцем, желая показать, что он создал единое, сильное, независимое от татарского ига русское государство. Пышный обряд венчания ему был ни к чему.

Иное дело для Ивана Грозного. Царский титул был для него, прежде всего, символом божественного происхождения его самодержавной власти. Он желал быть не просто великим князем, первым среди московских князей, признанным вождем правящего класса. Он мечтал возвыситься над подчиненными ему князьями и боярами на недостижимую для них высоту. Его не удовлетворяло безоговорочное признание ими его власти над собой по праву отчины, то есть наследства. Таким правом пользовались все бояре в отношении своих поместий. При всяком удобном случае царь Иван старался показать всем и вся божественное происхождение его царской власти. Польскому королю Стефану Баторию, избранному на трон польской шляхтой, он писал, укоряя выборным происхождением его власти: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по божьему изволению, а не по мятежному человеческому хотению...» (Разрядка наша — А. Л.). Первым среди московских государей Иван Грозный стал считать себя царем в настоящем библейском смысле этого слова — помазанником божьим.

Была создана целая «ученая» теория происхождения его царственной власти. Образ могущественного римского императора Октавия Августа, властителя огромной империи, носившего титул цезаря, то есть царя, заманчиво маячил перед воображением Ивана. Услужливо в ход была пущена нелепая легенда о том, что этот римский цезарь перед смертью разделил всю вселенную между своими наследниками и брата своего Пруса посадил царствовать по берегам реки Вислы, отчего и земля эта зовется землей Прусской. Рюрик же, от которого вели свой род московские великие князья, якобы является потомком

этого Пруса в четырнадцатом колене. Так была создана «теория» происхождения царя Ивана от римских цезарей.

Еще одна легенда была пущена в ход. Византийский император Константин Мономах прислал киевскому князю Владимиру свой царственный венец, бармы и цепь. Тот же якобы завещал хранить эти реликвии до тех пор, пока не появится на Руси достойный самодержец. Вот Иван и повелел московскому митрополиту Макарию венчать себя на царство шапкой, бармами и цепью Мономаха. Доказывать свою родственную близость к византийскому двору Ивану не было нужды — его бабка, Софья Палеолог, действительно была племянницей последнего византийского императора. Здесь легенда должна была доказать, что Иван — самый достойный среди своих предков, что он — избранник божий.

Но и этого было мало. В народ был пущен слух, что явилось, наконец, предсказанное апокалипсисом последнее «шестое царство». Этим царством, мол, и является царство Московское. Широко распространяется девиз: «Москва — третий Рим, а четвертому не быть», задолго до царствования Ивана высказанный монахом одного из псковских монастырей. С падением римской и византийской империй, согласно этой идее, Москва остается единственным царством, а московский царь — единственным наместником бога на земле. Отсюда уже рукой подать до идеи мирового господства.

Как видно, если у обычного паранойика идеи величия могут проявиться в мыслях о его «высоком происхождении», то для паранойика, стоящего у власти, они превращаются в идею мирового господства и исторической фатальности его власти.

Науки в нашем смысле во времена Ивана Грозного еще не существовало. Изобретения и открытия, хотя и осуществлялись, но еще не давали их авторам мировой славы и всеобщего признания. Место науки в духовной жизни общества занимало богословие. Иван страстно отдавался богословским занятиям и считал себя непререкаемым авторитетом в богословских вопросах. Каждый день в Александровской слободе со своими изуверами-опричниками после обеда он вел поучающие их душеспасительные беседы. Он сам писал сочинения на богословские темы. Между прочим, в этих сочинениях обнаруживается одна черта, чрезвычайно характерная для наукообразных трактатов паранойиков. Это — огромное количество пространных цитат, Как

отмечал В. О. Ключевский, «Иоанн любил пестрить свои сочинения цитатами кстати и некстати. Даже в его письмах к князю Курбскому, его бывшему сподвижнику, бежавшему за рубеж, он на каждом шагу вставляет отдельные строки из писания, иногда выписывает подряд целые главы из ветхозаветных пророков».

Кроме идей преследования и величия царю Ивану были свойственны определенные характерологические черты, присущие паранойальной психопатии.

Нетерпимость к замечаниям в свой адрес, невыносимость противоречий обычно служат частой причиной конфликтов и скандалов. Как писали русские историки, Иван Грозный считал добрый совет посягательством на свои права, несогласие со своими планами — знаком крамолы, заговора и измены. Противоречие нередко влекло у него вспышки неукротимой злобы и яростного гнева. При наличии в руках большой власти это вело к дикой расправе с теми, кто осмелился в чем-либо противоречить. Собственноручное убийство Иваном Грозным своего сына, упрекнувшего в чем-то отца на пиру, пожалуй, может служить самым разительным, но далеко не единственным примером в этом отношении. В чем упрекнул его сын, точно не известно. По одним предположениям он заступился за свою жену, которую Иван понуждал к сожительству с собою. По другим — обвинил отца в том, что он не защищает Псков от поляков. На другом пиру Иван вонзил нож в сердце Оболенского, намекнувшего на его гомосексуальную связь с Федором Басмановым. Нетерпимость Ивана к непослушанию доходила до нелепостей он велел изрубить присланного ему в подарок из Персии слона за то, что тот не стал перед ним на колени.

По словам В. О. Ключевского, царю Ивану ежеминутно нужно было давать чувствовать, как его любят и уважают, всецело только ему и преданы. Те, кому это искусно удавалось, на некоторый период вызывали у Ивана чувство привязчивости и в этот период пользовались его доверием до излишества. Такими людьми поочередно были друг его детства Федор Воронцов, затем Сильвестр и Адашев, позже Федор Басманов и Малюта Скуратов. Но безграничное доверие всегда было временным. Все они, кроме последнего, погибли по вине Ивана.

Другая черта — умелое использование в личных целях общественной морали, извлечение выгоды из господствующих в обществе взглядов, стремлений, законов — претерпевает у параноика, стоящего

у власти, своеобразную трансформацию. В подобной ситуации параноик сам в значительной мере способен влиять на мораль общества, во главе которого он стоит. Извлечение выгоды из морали в таком случае обращается на путь оправдания творимых беззаконий, в первую очередь репрессий, перед лицом истории. Эта жажда оправдаться перед историей обуславливает, по-видимому,

чрезвычайное развитие ханжества.

Царю Ивану было присуще страстное желание примирить свои бесчеловечные жестокости с религиозной моралью своего времени. Всем своим лютостям он всегда пытался придать видимость законной формы. Свои репрессии он объяснял правосудием, провозглашая, что тот, кто злоумышляет против него — помазанника Божия, тот — враг всего православного царства, а, следовательно, и самого бога. Он умело внушал своему окружению, что его руками вершится божья воля, что он ниспослан богом для борьбы с врагами отечества. Он неоднократно ханжески жаловался на тяжесть выпавшей на него исторической миссии. Он проявлял лицемерную заботу о душах казненных и замученных им людей, рассылая по церквям и монастырям множество поминальных списков и щедрые подачки на поминовение умерших.

Фанатичная религиозность Ивана имеет свои паранойяльные корни — ведь он считал себя наместником бога на земле. Но ханжество сквозило и в его религиозности. Отобрав из числа опричнины самых отчаянных и жестоких и поселившись с ними в Александровской слободе, Иван создал там дикую пародию монастыря. Опричников он обрядил в черные монашеские одеяния, под которыми они продолжали носить раззолоченные и обшитые соболями кафтаны. Сам Иван провозгласил себя игуменом. Днем он казнил или присутствовал на пытках в застенках, а по ночам молился со всей своей братией, лазил на колокольню звонить к заутрене, в церкви читал и пел на клиросе, а земные поклоны клал столь усердно, что кровоподтеки не сходили у него со лба. Во время трапезы, когда вся Опричина обжиралась и опивалась вином, царь за аналоем читал назидательные поучения святых отцов церкви о посте и воздержании. Ханжество Ивана проявлялось также в приступах его показной скромности. Последняя, пожалуй, заметнее всего обнаруживалась в истории с «царями Симеонами». Разделив государство на земщину и

опричнину, Иван на первых порах объявил, что он якобы только опричнину оставляет за собою, а земщине дает своего «царя». Он посадил на московский трон пленного казанского царя, крещеного татарина Едигера-Симеона, но затем быстро убрал его и посадил другого татарина, также окрещенного Симеоном, и дал ему титул «великого государя всея Руси». И вот все указы писались от имени этого «царя» Симеона, а сам Иван ездил к нему на поклон как простой боярин, писал этому «царю» челобитные, в которых униженно называл себя князем московским Иванцем, бьющим челом со своими детишками. Но всю власть в государстве Иван, конечно, оставил себе. Больше года он наслаждался собственной скромностью, а затем отправил «царя» Симеона в ссылку.

Ханжество Ивана сквозило и в его изуверской расправе с конюшим Федоровым. Иван вообразил, что этот конюший хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем. Он вызвал Федорова к себе, велел обрядить его в свои царские одежды, посадил на трон, кланялся ему в ноги, называл царем, а затем тут же вонзил ему нож в сердце.

Показной аскетизм Ивана, изнурительные посты, длительные моления бессонными ночами сочетались в нем с кровожадным зверством и половой распущенностью. Мало того, что Иван последовательно переменил семь законных жен (православная церковь допускала лишь три законных брака, и религиозный Иван казалось бы должен был свято чтить этот закон). По свидетельству летописей он сменил около пятидесяти наложниц. Он велел приводить к себе чужих жен, затем отдавал их на поругание опричникам и после этого отправлял их обратно к мужьям. Если же опасался мести, то умерщвлял их. Но и этого мало. Наряду с этим Иван сожительствовал со своим кравчим молодым красавцем Федором Басмановым, а по намекам некоторых летописцев и с молодым боярином Вельским. Предполагают, что Иван Грозный понуждал к сожительству жену своего старшего сына Ивана. Незадолго до смерти дряхлый, прикованный к постели, заживо разлагающийся царь обратился с похотливым вожделением к пришедшей его навестить жене его младшего сына Федора (будущей царице Ирине). Несчастливая невестка в омерзении и страхе бежала от своего сладострастного свекра. Когда же к нему пришел его сын Федор, то Иван стал убеждать его в том, что Ирина ему не верна, распутна, что с нею надо развестись и заточить ее в монастырь.

Особо жгучая ненависть возникает к тем, кто когда-либо оказывал покровительство или которым чем-либо были обязаны. У параноика, стоящего у власти, как это мы видим на примере Ивана Грозного, этот род ненависти обращается на тех людей, тех своих сподвижников, чьей успешной деятельности параноик обязан своим возвеличением. В первую половину царствования Ивана велись успешные войны. Впоследствии Иван почти поголовно обвинил в измене всех, кто прославился ратными подвигами и завоеваниями, и жестоко расправился с ними. Упрочению своей государственной власти Иван в значительной мере был обязан умной политике, которую вели помощники его первых лет — Сильвестр и Адашев. Трагична была их судьба.

Для идей преследования, которыми терзался царь Иван, характерна еще одна отличительная черта, которую отмечает псковская летопись. Страх преследования и связанные с ним жестокости обострялись в виде внезапных приступов. Эти приступы начинались¹ на фоне относительного душевного покоя. Нередко во время долгих богослужений лицо Ивана внезапно искажалось и он отдавал самые жестокие и бесчеловечные приказы. Посередине трапезы царь издавал иногда дикий крик, который стал сигналом сбора для опричников, и все они мчались вместе с царем пытаться и казнить томящиеся в застенках жертвы. Такой же крик во время трапезы в Новгороде послужил сигналом для разгрома города. Но приступы, по-видимому, обрывались также внезапно, как и начинались. П. И. Ковалевский полагает, что легендарное «спасение Пскова», избежавшего судьбы Новгорода, скорее всего, связано с тем, что у Ивана миновал подобный приступ. По возвращении его из разгромленного Новгорода в Москву наступил период некоторого затишья.

Видимо, кошмарная жестокость Ивана, его садизм, личное его участие в истязаниях и пытках, собственноручные убийства своих мнимых врагов так же, как и приступообразные состояния, проявляющиеся аффектами ярости и лютыми зверствами, — все это объяснимо наличием в его характере эпилептоидных черт. Сам Иван эпилепсией не страдал, но наличие в этом отношении какой-то скрытой неполноценности можно подозревать. Эпилепсией болел один из его сыновей — Дмитрий. А его старший сын — убитый им Иван — обнаруживал, как и его отец, некоторые эпилептоидные черты.

Чтобы довершить наше повествование об Иване Грозном, остановимся на странных обстоятельствах, предшествующих смерти Ивана. В последний год своей жизни (Иван умер в пятьдесят с лишним лет), по словам очевидцев, царь заболел какой-то странной болезнью: «...В течение многих дней и не говорил ни с кем, ни пищи не принимал, ни даже звука не издавал, так что казалось он онемел. А затем, по истечении многих дней, когда боль открывала ему уста, он только звал своего сына Ивана (ранее убитого им — А. Л.). Ему мерещилось, что он видит Ивана, что он слышит Ивана, что тот с ним говорит, что он перед ним стоит, а иногда жалобно призывал его к себе как бы живого».

Это немногословное описание, приведенное П. И. Ковалевским, который позаимствовал его у Одеборна, представляет собою довольно яркую психотическую картину, вовсе не характерную для паранойяльной психопатии. Речь могла идти о психозе иного рода. Можно думать, хотя это будет и смелым предположением, что причиной тяжелого поражения мозга в последние годы жизни царя Ивана был сифилис. Царь Иван умирал, заживо разлагаясь, покрытый гниющими язвами, что характерно для запущенных, нелеченных случаев этой болезни. Его распутство и чрезвычайное распространение (знаменитая «пандемия») сифилиса в европейских странах в 16-м веке, докатившееся и до Московской Руси, открывали широкие возможности для заражения.

Во всяком случае, картина предсмертного психоза у Ивана Грозного, где преобладали яркие зрительные галлюцинации, не может свидетельствовать в пользу известной схемы развития параноидной шизофрении вслед за паранойяльным этапом.

Была ли до этого у Ивана Грозного только паранойяльная психопатия, сформировавшаяся на предшествующей эпилептоидной основе, или паранойяльное развитие, достигшее психотического уровня? Вероятнее всего началось с первого и постепенно перешло во второе. По началу идеи преследования сосредотачивались на боярстве, ненавистном Ивану с детства и где действительно могли быть его потенциальные противники. Такие идеи еще можно расценить как сверхценные, а не бредовые. Но когда Иван начал зверски уничтожать самых преданных и близких ему людей по клеветническим доносам, которых никогда не проверял, а то и без всякого повода, по собственному наитию, «разгадывая» их измену, то подобное поведение уже определенно мож-

но назвать бредовым. Большая власть, в силу стечения обстоятельств оказавшаяся в руках паранойяльной личности, на нее саму действует крайне пагубно, откладывая особый отпечаток, чрезвычайно обостряя паранойяльные черты. Это имеет далеко идущие последствия для общества, во главе которого стоит параноик. Его идеи преследования оборачиваются установлением, по выражению В. О. Ключевского, полицейской диктатуры и созданием особой касты для ее осуществления, массовыми репрессиями и культом доносов. Идеи величия претворяются в обожествлении его личности. Конечно, возникновение таких социальных явлений, как полицейская диктатура и др., имеет свои социальные же причины. Пусть читатель не упрекнет нас в пагубном намерении объяснить эти явления исключительно злой волей отдельных исторических личностей. Ведущее значение социальных факторов в трагических событиях царствования Ивана было живо подмечено известным русским писателем и поэтом А. К. Толстым. Завершая свою повесть из времен Иоанна Грозного «Князь Серебряный», он призывал: «...изгладить из сердец наших последние следы того страшного времени, влияние которого, как наследственная болезнь, еще долго потом переходило в жизнь нашу от поколения к поколению! Простим же грешной тени царя Ивана, ибо не он один несет ответственность за свое царствование: не он один создал свой произвол и пытки, и казни, и наущничество, вошедшее в обязанность и в обычай. Эти возмутительные явления были подготовлены предыдущими временами, и земля, упавшая так низко, что могла смотреть на них без негодования, сама создала и усовершенствовала Иоанна, подобно тому, как рабелепные римляне времен упадка создавали Тибериусов, Неронов и Калигул.

...Простим же грешной тени Ивана Васильевича, но помянем добром тех, которые, завися от него, устояли в добре, ибо тяжело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга! Мир праху вашему люди честные! Платя дань веку, вы видели в Грозном проявление Божьего гнева и сносили его терпеливо; но вы шли прямой дорогой, не боясь ни опалы, ни смерти, и жизнь ваша не прошла даром, ибо ничто на свете не пропадает, и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает как древо: и многое доброе, и

злое, что, как загадочное явление, существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и темных недрах минувшего».

И. В. Сталин (Джугашвили) как пример паранойяльного развития на почве шизоидной акцентуации характера

Был ли Сталин шизоидом? Судя по воспоминаниям тех, кто знал его с детства, он до 14 лет отчетливых шизоидных черт не обнаруживал. Сосо, как звали Сталина в детстве, был развитым мальчиком, энергичным, активным, живым, охотно принимавшим участие в общих играх, певшим в церковном хоре. Но был сдержан в проявлении чувств. Его никто не видел плачущим. В те годы он был очень привязан к матери, отца же ненавидел — тот часто напивался и его избивал. На родине в Гори в духовном училище (вид начальной школы) он преуспевал, был лучшим, всегда хорошо подготовленным к урокам. Училище окончил с особой похвалой. Веру в бога он отбросил еще в 13 лет, самостоятельно прочитав что-то об учении Ч. Дарвина. Был увлечен романом грузинского писателя А. Казбеги и восхищался его героем Кобой — немногословным бесстрашным мстителем. Его имя он взял впоследствии как партийный псевдоним.

Но после 14 лет характер Сталина круто изменился. По свидетельству того же И. Иремашвили и другого соученика по Тифлисской семинарии Ваню Кецохели, Сосо в семинарии быстро потерял интерес к учебе и увлекался только историей и логикой. Стал замкнутым, сдержанным, серьезным, задумчивым, погруженным в себя. Его уже не влекли игры и развлечения ровесников. Он предпочитал уединяться с книгой. Отмечалась также его обидчивость. Он совершенно не понимал шуток. В старших классах он сблизился с революционерами-марксистами и затем сам организовал социал-демократический кружок, где занял позицию ментора, нетерпимого к возражениям и несогласию с его мнением. Восхищен он был теперь Ладом Кецохели (старшим братом его соученика Ваню) — профессиональным революционером-подпольщиком, которого вскоре стража застрелила в тюрьме. Сталин был исключен из духовной семинарии официально «без указания причины» (Духовный Вестник Грузинского Экзархата, 1899, 15 июня — 1 июля, стр. 8) — очевидно действительно за

революционную деятельность, а не за кражу сапог или за неуплату за учебу (ходили такие слухи) или по болезни, как утверждала его мать.

Юный Джугашвили стал профессионалом-революционером. Жизнь подпольщика переносилась им довольно легко. Его замкнутость, сдержанность, несклонность к широким контактам способствовали конспирации. Его внутренний мир целиком был заполнен революционной борьбой. Возможно он нашел свою «психологическую нишу». С 1902 по 1913 гг. его 8 раз арестовывали, 7 раз отправляли в ссылку и 6 раз он оттуда бежал. Теперь его идеалом становится В. Ленин — особенно с появлением газеты «Искра». Его привлекает построение партии как централизованной военизированной по духу организации. Р. Такер посчитал, что недаром он сменил любимую кличку Коба на «Сталин» — фамилию, созвучную Ленину, а не просто как символизирующую свою твердость как сталь. Что там Л. Каменев (Розенфельд), а тем более Л. Троцкий (Бронштейн) или Г. Зиновьев (Радомысльский)! Одновременно появляется несвойственная большинству грузин черта — не подчеркивать свою национальность, несмотря на акцент и явно нерусскую внешность, подложный паспорт оформляется на «Ивановича».

Отмечается, что в те годы Сталин труден в общении с товарищами, неуживчив, но осторожен. В «эксах», т. е. в грабежах банков, почты и т. п. с целью пополнения партийной кассы, он непосредственного участия не принимал, хотя не исключено, что участвовал в их планировании и организации. Сталин очень не любил выезжать за рубеж. Скорее всего, из-за незнания языков. Он участвовал в партийных съездах в 1906—1907 гг. в Стокгольме и Лондоне и в 1913 г. провел полтора месяца в Вене и Кракове. С тех пор до 1943 г. — до встречи с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в Тегеране он за границей не бывал.

Все же после исключения из семинарии в последующие годы особенно ярких шизоидных черт не выступало. Но все круто изменилось, когда Сталин оказался в далекой и трудной Туруханской ссылке. Там, в селе Монастырском, на берегу Енисея, жила небольшая группа политических ссыльных, включая большевиков. Сосланный туда ранее Яков Свердлов встречает Сталина, устраивает на свою квартиру. Ссыльные ждут рассказов о новостях с «воли». Но Сталин сразу отчуждается, проявляет необщительность, на собраниях отмалчивается.

В одиночестве занимается охотой и рыбной ловлей. Правда, по самоучителю начинает изучать эсперанто (другие ссыльные владеют кто немецким, кто французским, а кто и тем, и другим), но вскоре забрасывает это занятие. Свердлов в письмах характеризует Сталина как крайнего индивидуалиста в повседневной жизни. Вскоре их двоих переводят в деревню Курейка за Полярный круг. Отношения между ними все более натягиваются — Сталин буквально выживает Свердлова с квартиры. Свою охотничью собаку он приучает к кличке «Яшка». Со Свердловым они по очереди готовят обед, и в свой день Сталин старается состряпать что-либо мало съедобное. Он изводит Свердлова тем, что после обеда не моет свою тарелку, а дает ее вылизать собаке. Здесь проявилась еще одна черта, которую нам приходилось наблюдать у шизоидных подростков — они не брезгливы (в отличие, например, от чистюль эпилептоидных акцентуантов). В конце концов, Свердлов перебрался на другую квартиру.

Сталин общался с местными жителями: пьянствовал вместе со стражником, сожительствовал с одной крестьянкой, у которой от него родился сын. Но впоследствии к их судьбе никакого интереса не проявлял. Видимо контакты не были достаточно эмоциональными. Шизоидам особенно трудны неформальные эмоциональные контакты. Именно такими они должны быть в уединении с товарищами по партии. Другие контакты могут быть достаточно формальны. Стражник добывал Сталину водку. На его же имя (чтобы не вызвать подозрений) приходили довольно крупные переводы из партийной кассы, которые и уходили на совместные выпивки. Слова его квартирной хозяйки, что «Есиф был веселым, любил петь и плясать», скорее всего, относятся к состояниям алкогольного опьянения.

Таким образом, в юности и в молодые годы можно увидеть два периода, когда шизоидные черты заострились. Первый из них падает на подростковый возраст, когда проявления шизоидности обостряются. К тому же добавилось поступление в духовную семинарию, трудная для шизоида жизнь в условиях интерната под неусыпным и отнюдь не формальным надзором духовных наставников, которые не только следили за поведением, но явно лезли в душу воспитанников, чего шизоиды также не выносят. Порядки в семинарии сам Сталин назвал иезуитскими.

Другой пример — Туруханская ссылка (в предыдущих ссылках Сталин долго не задерживался). Шизоиды нередко мечтают о жизни в изоляторах, вдали от городов. Они не учитывают того, что можно оставаться независимым одиночкой в толпе, но в условиях изоляции невозможно избежать неформальных контактов с теми, кого послала судьба.

Таким образом, речь может идти только о шизоидной акцентуации характера, т. е. о варианте нормы, но не о шизоидной психопатии — расстройстве личности. Отсутствовала присущая психопатиям стабильность и тотальность проявлений характера и более-менее постоянная социальная дезадаптация. Можно даже говорить о скрытой шизоидной акцентуации характера, так как шизоидные черты выявлялись лишь в определенных психотравмирующих условиях; Постоянными все же оставались холодность и сухость, выдержка и невозмутимость. По словам Д. Волкогонова, Сталин «мог спать среди шума, хладнокровно воспринять приговор, не возмутиться жандармскими порядками на этапе. До двадцатых годов его знал только узкий круг партийцев — популярности у него тогда не было. Он не умел и не любил выступать перед людьми и предпочитал писать».

В последующие годы шизоидные черты особенно были видны при общении с близкими или их подмечали очень наблюдательные люди. «Невозможный человек, — говорила о Сталине его вторая жена Н. Аллилуева, — ему говоришь, а он молчит, его спрашиваешь, а он не отвечает!». Американский посол в СССР в годы войны А. Гарриман, не раз встречавшийся со Сталиным, писал: «Для меня Сталин остается самой непостижимой, противоречивой и загадочной личностью, которую я знал». О его эмоциональной холодности говорит то, что своих внуков одних он видел очень редко, а других не желал ни разу увидеть вообще. Между ним и старшим сыном Яковом была духовная стена. Тот, кстати, унаследовал от отца шизоидные черты. Его также характеризовали как замкнутого, молчаливого, задумчивого, погруженного в свои мысли настолько, что нередко он не слышал обращенных к нему вопросов. К матери Сталин охладел еще будучи в духовной семинарии. После 1903 г. видел ее лишь несколько раз.

Еще один косвенный довод в пользу шизоидности Сталина в том, что многие шизоиды относятся к «совам» в отличие от «жаворонков»-

циклоидов. Сталин работал ночами — до 3 — 4 час утра и вставал после 11 час дня.

Д. Волкогонов подчеркивал, что Сталин умел прятать свои чувства очень глубоко. Даже гнев его видели немногие. Только в старости, когда развился склероз, он стал вспыльчивым. Самые жестокие решения он принимал невозмутимо. Жалость, сострадание ему были не свойственны. Он не любил публичных выступлений. С годами его явления народу делались все более редкими. Вольно ли, невольно вождь следовал завету А. С. Пушкина: «Будь молчалив; не должен царский глас на воздухе теряться по-пустому; как звон святой он должен лишь вещать велику скорбь или великий праздник».

Отдыхал Сталин один. В одиночестве делал круги по саду на даче или слушал шум морского прибоя в Сочи. Театр любил, особенно классику и оперу. Опять же в одиночестве усаживался в глубине особой ложь, невидимый для зала. Быт его был непритязателен. Спал под солдатским одеялом. Одевался скромно, лишь в последние годы жизни завел пышный шитый золотом мундир генералиссимуса.

Доведенный до отчаяния холодностью отца его сын Яков стрелялся, но пуля пробила грудную клетку, не задев сердца. Сталин, увидев раненого сына, издевательски бросил: «Ха! Не попал!».

В чем были проявления паранойяльного развития (формирования паранойяльной психопатии)? До 39 лет у Сталина трудно найти явные признаки паранойяльности. Лишь в 1918 г. он оказался в ситуации, способной провоцировать выявление этих черт. Ленин отправил его в Царицын (ныне Волгоград) — житницу на юге России — с заданием добыть хлеб для Москвы, которой грозил голод. Сталина наделили широкими полномочиями, его сопровождала отборная сотня латышских стрелков. Но Царицыну грозил захват белыми. Туда отступала группа красных войск под командованием К. Ворошилова, который сразу во всем подчинился Сталину, превратившегося в абсолютного диктатора. Отход войск Сталин остановил расстрелом тех, кто отступал. Здесь он не был оригинален, а следовал завету своего врага Л. Троцкого — ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной позادي. Всюду Сталину казалась измена. Неграмотный в военном искусстве он жестоко расправлялся с «военспецами» — выходцами из офицеров царской армии, за спиной каждого из которых стоял красный комиссар. Одного подозрения без всяких доказательств

было достаточно для ареста. По приказу Сталина арестованных военспецов погрузили на баржу, которая при невыясненных обстоятельствах затонула в Волге. Сталин полностью игнорировал главное военное руководство — Реввоенсовет, председателем которого был Троцкий. Рапортовал он только лично Ленину. Но Москва получила реквизированный хлеб, и Ленин смотрел сквозь пальцы на самовольство Сталина.

В дальнейшем, до 1929 г., пока не оказались разбитыми и троцкисты, и левая (Г. Зиновьев, Л. Каменев) и правая (Н. Бухарин, А. Рыков) оппозиции, такой беспредельной власти у Сталина не было. Он хитрил, изворачивался, по очереди натравливал своих противников одного на другого. Но и переоценку своей личности, и подозрительность, и жестокость, и ненависть ко всем, кто осмелился ему противоречить, он еще умело маскировал.

Впрочем, в 1927 г., когда он расправился со своим главным соперником — Л. Троцким, что-то произошло. Простор для власти открылся еще и потому, что после смерти М. Фрунзе армия оказалась в руках послушного ему К. Ворошилова, а после смерти Ф. Дзержинского ГПУ (предшественника НКВД — МВД — КГБ) фактически возглавил его ставленник Г. Ягода (В. Менжинский тяжело болел). Именно в конце 1927 г. внезапно от отравления умирает В. Бехтерев, по слухам после осмотра Сталина назвавший его «сухоруким параноиком».

Наступил 1929 г., названный Сталиным «годом великого перелома». Вся оппозиция была уже растоптана и унижена, вся власть оказалась в руках Сталина. Тогда выступило свойство паранойяльных личностей, которое в МКБ-10 перечисляется первым — непереносимость препятствий и отказов в том, на что эта личность считает себя вправе претендовать. Крестьяне отказались за бесценок отдавать хлеб государству. Сталин ответил массовым «раскулачиванием» и стремительной всеобщей насильственной коллективизацией (у колхоза хлеб отнять легче, чем у единоличника). Около 3 млн. семей трудолюбивых и зажиточных крестьян посреди зимы выгоняли из дома, лишали скота и всего имущества и ссылали в Сибирь, Казахстан и на Дальний Север. Их перевозили как скот — в мороз в неотопливаемых товарных вагонах и вышвыривали в пустых необжитых местах. Настоящих кулаков (т. е. богатеев, живших чужим наемным трудом) было не более

3 %. Сопротивлявшихся расстреливали. Это Сталин назвал «ликвидацией кулачества как класса». Российское крестьянство было обескровлено, лишено лучших тружеников.

С этого года паранойяльные черты стали все более развиваться и заостряться.

Об одной из важных черт — болезненной подозрительности — не раз ведет речь Н. Хрущев в своих «Воспоминаниях». Сталин любил внезапно пристально посмотреть на своего собеседника и вдруг спросить: «Почему ты сегодня не смотришь прямо? Избегаешь мне глядеть в глаза?». О патологической подозрительности говорил Е. Смирнов — бывший министр здравоохранения (а во время войны Начальник Главного Военно-Медицинского управления), когда-то окончивший Военно-медицинскую академию и слушавший лекции В. П. Осипова. Он рассказывал, что осенью 1952 г. Сталин вызвал его на дачу в Сочи, беседовал о разных посторонних вещах и вдруг неожиданно спросил: «Кто лечил Жданова?» — «Профессор Коган». «А Димитрова?» «Тоже он». «Обоих лечил и оба умерли!». Никаких доводов Е. И. Смирнова, что у обоих были тяжелые сердечные инфаркты (а Жданов к тому же в последние годы сильно пил), Сталин слушать не хотел, многозначительно повторял: «Обоих лечил и оба умерли!»

Сталинская дача под Москвой была окружена двойным забором с натянутой проволокой, через которую пропускали электроток. Между заборами бегали специально обученные овчарки. Замки в его комнатах постоянно менялись. От охранника требовалось сопровождать Сталина даже в туалет. Когда ехал из Кремля на дачу. Сталин по дороге непрерывно сам менял маршрут — машина под его командой петляла по переулкам. Охрана Сталина насчитывала несколько тысяч. Около его резиденций стояли специальные воинские части в полной боевой готовности.

Сталин не верил даже своим безропотным и покладистым приближенным, целиком от него зависящим. Прибегал к жестокой системе проверки на преданность. У В. Молотова и М. Калинина в лагерях сидели жены, у его личного секретаря А. Поскребышева жена была расстреляна (она была сестрой жены сына Троцкого, который, кстати, отвернулся от отца). У В. Куйбышева и Л. Кагановича были репрессированы и погибли их родные братья. Все приближенные безропотно перенесли удары. Только Молотов, когда его жену П. Жем-

чужину исключили из ЦК партии, при голосовании осмелился воздержаться и с тех пор впал в немилость. Г. Орджоникидзе протестовал против репрессий его ближайших помощников (в том числе Л. Пятакова). После визита к нему Сталина его нашли с пулей в сердце. Считается, что он покончил с собой. Объявлено было, что он умер от «паралича сердца».

Сталин был убежден в существовании массы вредителей и шпионов. Нелепость обвинения была в том, что уже в 30-е годы к «шпионам» и «вредителям» добавлялся эпитет «агент царской охранки» (это через 20 лет после ее ликвидации). Г. Ягоде было предъявлено обвинение, что он стал таким агентом с 1907 г., т. е. в возрасте 10 лет!

Самой популярной темой большевистской печати с 30-х годов стала «бдительность» — по сути дела насаждение всеобщей подозрительности. Говорят, что когда после смерти чешского писателя-коммуниста Ю. Фучика, погибшего в застенках гестапо, издавалась его книга, ее последние слова «Люди, я любил вас. Будьте счастливы!» Сталин собственноручно заменил на «Будьте бдительны!»

Еще с 30-х годов Сталин резко ограничил поездки в другие города, на предприятия, в воинские части. У него было постоянное предчувствие, что на него готовится покушение. Подозрительность Сталина подогревалась не только молчаливым согласием его окружения, но и намеренно с целью завоевать его доверие и расположение. Особенно преуспевали в этом Лев Мехлис и Лаврентий Берия. Мехлис, например, доносил Сталину, что в «Ансамбле краснознаменной песни»(!) орудует шпионско-террористическая группа — бывшие офицеры, дети кулаков, антисоветские элементы. Удивительно, что уцелел руководитель этого ансамбля А. Александров (бывший дьякон собора Христа Спасителя в Москве, взорванного по приказу Кагановича). Да и Троцкий со своими зарубежными публикациями и выступлениями создавал впечатление, что «завтра Сталин может стать обременительным для правящей прослойки». Правда, в 1938 г. он выступил со статьей, где вопрошал: «Если мои наймиты занимали все ключевые посты... почему Сталин сидит в Кремле, а я в ссылке?» Прочтя это, Сталин обозвал кретином Н. Ежова, всюду видевшего троцкистов — видимо в тот момент судьба того была решена — в конце того же года Ежова расстреляли. От Л. Берии

Сталин требовал особой проверки своей охраны и «обслуги», и тот время от времени «находил» очередного «шпиона» или «террориста», которого тут же расстреливали.

Зависть и злопамятность в отношении оскорблений и обид в МКБ-10 приводятся как другой признак паранойяльного расстройства. Этих качеств у Сталина было в достатке. Он жгуче завидовал красноречию Л. Троцкого, образованности Н. Бухарина, популярности С. Кирова. Когда последний появился на трибуне XVII съезда партии, ему устроили овацию: все встали, пришлось встать и Сталину. Этого он уже не мог простить. Перед съездом он намеревался перевести Кирова в Москву, но передумал. С тех пор подобные овации устраивались только Сталину. Он завидовал Зиновьеву, которого считали ближайшим помощником Ленина, и был уязвлен снисходительным отношением того к себе. Сам маленький (его рост был 163 см), он завидовал высоким, предпочитал тех, на кого не надо было смотреть снизу вверх — рядом с низкорослыми К. Ворошиловым, Н. Ежовым, Г. Жуковым он явно чувствовал себя лучше, чем около долговязого С. Тимошенко. Одно время носил специально изготовленные сапоги с высокими каблуками, искусно упрятыми внутри.

Он не мог простить того, что в пылу внутривнутрипартийных дискуссий Л. Троцкий назвал его «выдающейся посредственностью», А. Рыков — «нулем в экономике», а Н. Бухарин — «Чингисханом». На том же XVII съезде во время тайного голосования на выборах ЦК Киров получил только 3 голоса против, а Сталин почти 300. Но результаты выборов были фальсифицированы председателем счетной комиссии Л. Кагановичем объявлено было, что против Сталина также только 3 голоса. Впоследствии более тысячи из 1225 делегатов съезда были репрессированы и большинство погибло. Так он отомстил голосующим «против». С теми, с кем у Сталина были конфликты во время Гражданской войны, он расправился через 20 лет!

Еще одна черта — патологическая ревность — для Сталина, пожалуй, наименее характерна. Ни первая, ни вторая жена поводов не давали. Высказанные в одном литературном сочинении суждения о связи Н. Аллилуевой со своим пасынком Яковом — старшим сыном Сталина, ни на чем не основаны, кроме близости их возраста и того, что Сталин был старше своей жены на два десятка лет. Якобы младший сын Сталина Василий застал свою мать с пасынком и «настучал»

отцу. Потому, мол, Аллилуева и погибла от ревнивой руки Сталина, а Василий спился от горя, что погубил свою мать. Все это скорее похоже на вымыслы. Те, кто знал Аллилуеву, характеризовали ее как прямодушную, честную, неспособную на обман. Не исключено, что она дружески и с сочувствием относилась к своему пасынку, которого отец обижал и третировал. Такое ее отношение к нелюбимому сыну могло раздражать Сталина. Но не менее мог раздражать независимый нрав жены. Она укоряла его в репрессиях, в том числе ее сокурсников по Промакадемии.

О гибели Н. Аллилуевой Н. Хрущев рассказывал следующее. 7 ноября после парада и демонстрации Сталин с ближайшим окружением по традиции обедал у К. Ворошилова. После обеда Сталин увез на дачу красивую жену одного из военных В. Гусева. Ночевать не вернулся. Аллилуева позвонила на дачу дежурному, и тот ей ответил, что Сталин здесь и с женой Гусева. Наутро Аллилуеву нашли в спальне мертвой с огнестрельной раной в виске. Ходили слухи, что Сталин сам ее убил. «Я и сейчас не могу сказать, где правда» — заключал Хрущев. По другим сведениям Аллилуева сама была на этом обеде. На нем якобы Сталин поднял тост за разгром оппозиции, а она не стала пить. Тогда он при всех плеснул ей в лицо вином из фужера. Впрочем, обе версии вполне совместимы. Около мертвой Н. Аллилуевой в спальне валялся рядом револьвер «Вальтер», который принадлежал брату первой жены Сталина — А. Сванидзе (впоследствии расстрелянному). Известно, что ревность параноика может обернуться убийством жены. Когда хоронили Аллилуеву, Сталин на похороны не пришел. Те, кто ее знал, обратили внимание, что волосы были зачесаны так, чтобы закрыть левый висок, а Аллилуева всегда носила прямой пробор. Явно прикрывали рану (официально было объявлено, что она умерла от аппендицита). Вообще, женщины редко стреляются, когда кончают с собой Нет также сведений, что Аллилуева была левшой, а правши стреляются правой рукой в правый висок. Наоборот, когда убивают спящего, то, подойдя к нему, револьвер своей правой рукой приставляют к левому виску. Но дело еще в том, что «Вальтер» обладает очень большой убойной силой и ранение могло быть сквозным. Но тогда выходное отверстие гораздо больше входного. Если сами стреляют себе в правый висок, то рана справа может быть как точка, а слева величиной с ладонь. Тогда это, скорее всего, самоубийство.

С ревностью можно связать один феномен, наблюдаемый при паранойяльном развитии, который я бы назвал «комплексом ненависти к собственному сыну». Что проделал Иван Грозный со своим старшим сыном Иваном, хорошо видно на известной картине И. Репина. Сталин своего старшего сына третировал, издевался над ним. Серьезную суицидную попытку Яков предпринял из-за отношения к нему отца. Когда Яков в августе 1941 г., будучи командиром артиллерийской батареи, под Витебском попал в окружение, а затем в плен, шведский посол в Москве предложил посредничество в обмене пленными, чтобы освободить Якова. Можно читать, что отказ Сталина был связан с нежеланием предстать в невыгодном свете перед терпящим лишения народом. Но зачем же было клеймить сына предателем, а его жену репрессировать? С точки зрения фрейдовского психоанализа, ненависть к сыну можно рассматривать как реакцию на подросткового сексуального соперника. Но к другому сыну — Василию — Сталин относился с любовью, баловал его — тот обожал отца, гордился им. Эпилептоид с детства Иван Грозный также благодушно относился к младшему сыну Федору — тихому и слабовольному. Возможно, ненависть обращается на того сына, который обладает тем же складом характера, что сам отец. Иван (сын Грозного) был эпилептоидом, а Яков шизоидом, как и его отец в молодые годы. Это создает плохую психологическую совместимость.

«Ощущение чрезвычайной важности своей особы» как признак расстройства личности паранойяльного типа было расценено П. Ганнушкиным как сверхценная идея. До 1929 г. Сталин это качество умело скрывал. Оно проявлялось только в постоянной убежденности в своей правоте. Когда он был в чем-то уверен, его трудно было поколебать. Он не верил в нападение гитлеровской Германии в 1941 г. Разумные доводы на него не действовали. Например, в первый год войны, когда полчища немецких танков рвались вглубь страны, Сталин решил создавать легкие кавалерийские дивизии для рейдов в тыл врага и его дезорганизации. Его сведущие помощники пытались указать на необходимость авиационного прикрытия, которого тогда не было. Немцы действительно бросили против этих всадников авиацию, что вызвало среди них огромные потери. Сталин безапелляционно судил обо всех сферах знания — от военного искусства до языкознания, от сельского хозяйства до литературы. В области философии вообще

никто из ученых не смел сказать ничего нового, разрешалось только комментировать, пересказывать и прославлять вождя.

С начала 30-х годов начался безудержный рост возвеличивания Сталина. Ущемленный маленьким ростом Сталин заполнил страну своими величественными монументами. Его некрасивое рябое лицо (в детстве он перенес натуральную оспу) заслонили иконописные изображения вождя в каждом официальном зале, кабинете, конторе по всему государству. Немецкий писатель Лион Фейхтвангер в 1937 г. в Москве на выставке картин Рембрандта столкнулся с огромным бюстом «вождя всех народов».

Еще в 1925 г. Царицын был переименован в Сталинград (в отместку Л. Троцкому, именем которого была названа только Гатчина — городок под Санкт-Петербургом, где под руководством Троцкого были разбиты белогвардейские войска Юденича). Но в 30-х годах к Сталинграду присоединились Сталинск (Новокузнецк), Сталине (Донецк), Сталинобад (Душанбе), Сталиниси в Грузии, Сталинири (Цхинвали). Почему из всех автономных областей и республик только столица Южной Осетии удостоилась такой чести? Не потому ли, что Сталин по отцу действительно был осетином? Высочайшая гора в стране на Памире была названа пиком Сталина. Рядом появился и пик Ленина, но он был на 400 метров пониже.

Приближенные Сталина, кто из страха, кто из угодничества, изрядно потрудились в сотворении кумира. На XVII съезде Н. Бухарин называет Сталина «воплощением ума и воли партии» (это-то после Чингисхана!), Г. Зиновьев первым строит цепочку «Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин», Л. Каменев сказал, что эпоха Ленина сменилась эпохой Сталина, А. Рыков назвал Сталина «организатором побед», К. Радек — «зодчим социалистического общества», Л. Мехлис — «великим кормчим», К. Ворошилов — «другом и оруженосцем Ленина», Долорес Ибаррури и Бела Кун — «вождем мирового пролетариата», да и С. Киров доклад Сталина на XVII съезде назвал «самым ярким и самым полным документом, который нарисовал перед нами всю картину нашей великой социалистической стройки».

Не стало в стране не только области, но и района, где бы какому-либо предприятию, колхозу или иному наиболее видному учреждению ни было бы присвоено имя Сталина. Тогда же была введена система

верноподданнических писем-рапортов любимому вождю от коллективов трудящихся, докладывающих о трудовых победах.

Пропаганда была нацелена на воспитание слепого поклонения и любви. Все, что сказал и сделал Сталин, безусловно, верно, не требует никаких доказательств, всеми успехами все обязаны только ему, а все провалы — дело рук вредителей и диверсантов.

С годами в своем прославлении Сталин все более терял чувство меры. При произнесении его имени оратором на любом собрании все должны были вставать и устраивать овацию в его честь. Его имя было включено в текст государственного гимна («Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиг он нас вдохновил»), учреждены Сталинские премии и стипендии (именные премии, как правило, учреждались после смерти великих людей). Изданный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» заменил советским людям учебники современной истории и стал подобным библии, а «краткая биография» Сталина — Жития святых. До войны сообщалось, что «Краткий курс», на всех страницах прославлявший Сталина, был написан «группой авторов». Но после войны ее автором единолично был объявлен Сталин. Получалось, что книга, славословившая Сталина, написана им самим!

Култ Сталина был поддержан и развит учеными. Его «избрали» Почетным членом Академии наук СССР. В 1949 г. к его 70-летию был издан толстый фолиант панегириков, где не только такие «академики», как Т. Лысенко, А. Вышинский, М. Митин, но и физик А. Иоффе, биохимик А. Опарин, геолог В. Обручев и другие бесчисленное число раз величали Сталина «гениальным ученым», «величайшим мыслителем», «корифеем науки» и т. п.

Естественно после победы над фашистской Германией Сталин был объявлен «великим полководцем» и присвоил себе титул генералиссимуса (до этого в России его имел А. В. Суворов). Одна из причин опалы маршала Г. Жукова — нежелание Сталина делить с ним славу. По мере роста популярности Жукова Сталин все хуже относился к нему.

Последний из признаков паранойяльного расстройства личности — «озабоченность заговорческим истолкованием событий» — вряд ли нуждается в обширных иллюстрациях.

Чем большая власть оказывалась в руках Сталина, тем больше заговоров ему мерещилось. Началось еще в 1918 г. с «заговора

военспецов» и закончилось «делом врачей» в последние месяцы его жизни. Думается, что страшный репрессиями 1937 г. был следствием того, что в конце 1936 г. Сталин мог уверовать в абсолютную полноту его власти. 12 декабря 1936 г. состоялись первые при большевистском режиме всеобщие (разумеется, без участия репрессированных) к прямым выборам в только что созданный Верховный Совет СССР при тайном голосовании. Вступила в силу «самая демократическая» сталинская конституция. Однако, формально ей не противореча, под неусыпным контролем партии и НКВД была введена система выборов без выбора — всюду только один кандидат на одно место. Эту систему позаимствовали у Б. Муссолини — он был ее автором и успешно испробовал в Италии, когда к власти пришли фашисты. Никого вычеркивать в бюллетенях нужды не было, а за голосующими понятно следили агенты НКВД. И более 99% опустило в урны бюллетени, не вычеркнув предложенного кандидата от «блока коммунистов и беспартийных». По сути дела многомиллионная страна безропотно согласилась на сталинскую тиранию. После этого, в 1937—1938 гг., когда уже ощущалось приближение войны, Сталину померещился заговор военных.

Было репрессировано около 40 тысяч командиров армии и флота. Вооруженные силы были фактически обезглавлены. Расстреляны 3 из 5 маршалов. Оставлены только недалекие и во всем послушные К. Ворошилов и С. Буденный, оказавшиеся совершенно несостоятельными во время Великой Отечественной войны. Из 19 командармов и флагманов флота (звания, аналогичные современным высшим генеральским и адмиральским) расстреляно 17, из 67 командиров корпусов репрессировано 60, из 199 командиров дивизий 136.

Поводом для расправы послужил полученный от чехословацкого президента Э. Бенеша документ, где говорилось, что маршал М. Тухачевский — агент немецкой разведки. Документ этот был фальшивый, изготовленный в Берлине и подкинутый Бенешу. Его цель была устранить самого талантливого полководца в Красной армии. Через наркома внутренних дел Н. Ежова из Парижа от Русского общевойскового союза (одной из организаций белоэмигрантов) также была подброшена ложная информация, что готовится заговор военных во главе с Тухачевским. Масло в огонь сталинской «озабоченности заго-

ворами» подлил и Троцкий, заявив, что недовольство военных диктатором Сталина ставит на повестку дня их возможное выступление.

Подозрительный Сталин, неприязненно относившийся к Тухачевскому, всему охотно поверил. Были доносы, затем было полученное под пытками признание — других доказательств ему не требовалось. В качестве вредительства Тухачевскому предъявлялось обвинение, что он требовал ускоренного формирования танковых и механизированных соединений за счет сокращения кавалерии. В 1926 г. он ездил в Берлин, возглавляя военную делегацию, а его сподвижники И. Якир учился на военных курсах в Германии, А. Корк был там же военным атташе.

Именно в 1937 г. ЦК партии, т. е. Сталин, официально разрешает применять методы физического воздействия (т. е. пытки) для получения признания. Маршал В. Блюхер был забит до смерти, но было объявлено, что он во всем признался и посмертно он был приговорен к расстрелу. Ранее признаний добивались обещаниями сохранить жизнь (и после этого расстреливали) или не трогать жену и детей (и тех арестовывали, ссылали и даже расстреливали). Для запугивания в камеры подсаживали детей других арестованных.

Для Сталина, конечно, было крайне подозрительно, что в жилах М. Тухачевского течет кровь потомственного дворянина, что В. Блюхер был из семьи обрусевших немцев, а маршал А. Егоров служил подполковником в дореволюционной армии. Впрочем, расстреляли и командарма П. Дыбенко — бывшего матроса и героя гражданской войны. Объявили, что он — американский шпион, так как однажды сопровождал какую-то американскую делегацию. Бедный «шпион» в письме Сталину оправдывался, что «американским языком он не владеет».

Но зачем же было репрессировать 40 тыс. командиров? Не могли же десятки тысяч состоять в тайном заговоре! В итоге перед войной полками командовали майоры, батальонами — старшие лейтенанты, а ротами — поспешно подготовленные на краткосрочных курсах младшие лейтенанты. В канун войны Сталин явно наносил ущерб самому себе. Не обернулась ли уже тогда паранойяльная подозрительность психотическим эпизодом — бредом преследования и расправой с мнимыми врагами? Д. Волкогонов назвал действия Сталина в этот период «нелепыми и алогичными». Террор был развязан, когда никакой непосредственной угрозы советскому строю и самому Сталину

уже не было. Считается, что репрессировано в эти годы было более 3 млн., из них расстреляно более 600 тыс. При этом террор обрушился не только на военных, но и на партийные кадры. В некоторых обкомах и райкомах оставалось по 2—3 сотрудника, а ведь именно эти органы управляли страной на местах.

В разгар репрессий 1937—1938 гг. Сталин каждодневно подписывал смертные приговоры людям, которых хорошо знал. 12 декабря 1938 г. (это был выходной день при бывшей тогда «шестидневке») он с В. Молотовым сразу подписал список, утверждающий расстрел более 3 тыс. человек. Публично же он сам ни устно, ни письменно не выступал за ужесточение репрессий — он как бы стоял в стороне. Тогда же он подверг репрессиям родственников обеих своих жен. Был расстрелян брат его первой жены и соученик по семинарии А. Сванидзе, репрессирована его жена, сестра его жены, сестра второй жены и ее муж и другие. Какое они имели отношение к заговору военных? Сам же Сталин в эти дни преспокойно бывал в театре, по ночам смотрел кинофильмы, устраивал полуночные застолья с приближенными.

В 1939 г. наступило какое-то относительное успокоение. Ежов был не только отстранен, но и расстрелян. Сталин говорил об этом возвращенному из лагерей авиаконструктору Яковлеву. Из тюрем и ссылок выпустили видных военных, в том числе Н. Мерецкова, который в 1940 г. был назначен начальником Генштаба, и И. Тюленева — тот стал командующим Московским округом. Сталин выступает перед выпускниками военных академий с заявлением, что надо научиться ценить кадры, ценить людей. В беседе с В. Чкаловым он поучает, что человек дороже любой машины. Не миновала ли тяжелая декомпенсация паранойяльной психопатии, достигавшая психотического уровня? Зимой 1939/40 гг. война с Финляндией обнаружила крайне низкую боеспособность армии, но массовых репрессий не последовало. Лишь бездарного К. Ворошилова Сталин перевел на почетную синекуру и поставил во главе Наркомата обороны С. Тимошенко. у Другой знаменитый «заговор» был «раскрыт» незадолго до смерти Сталина. Осенью 1952 г. у Сталина развилась сердечная недостаточность — одышка, отеки. С 30-х годов у него был постоянный лечащий врач Владимир Николаевич Виноградов, известный профессор-терапевт. После того как Виноградов осмотрел Сталина, Берия потребовал дать

ему заключение о здоровье. Виноградов честно сказал, что больному нужен полный покой, сердечные средства и никаких волнений. Берия эти рекомендации пересказал Сталину, но так, что тот решил, что это — заговор, чтобы под видом болезни отстранить его от власти. Разъяренный Сталин закричал: «В кандалы этого профессора!».

Но вслед за этим арестовывают не только русского В. Виноградова, но и ряд видных московских медиков — профессоров евреев: М. Вовси (главного терапевта Советской армии во время войны), В. Зеленина, А. Гринштейна, Г. Этингера, Б. и М. Коганов и других. Все они кого-то лечили из членов правительства, начиная от В. Куйбышева в 30-х годах до А. Жданова, А. Щербакова (начальника Главного политуправления армии) и Г. Димитрова — последние умерли незадолго до 1952 г. Всем арестованным предъявляется одно и то же обвинение — того, кого они лечили — умерли, следовательно, лечили неправильно, отравляли, убивали.

Почему же Сталину кажется, что заговор против него еврейский, организован сионистской организацией «Джойнт»?

С дореволюционных времен в партии Сталин был окружен евреями. В первом ленинском совнаркоме их было немало. Самому Сталину с евреями пришлось не раз породниться. Не только старший нелюбимый сын Яков во втором браке был женат на еврейке, но и младший Василий взял еврейку в жены. Первой любовью его дочери Светланы был киносценарист А. Каплер, а замуж она вышла за Г. Мороза. Среди ближайших сподвижников, готовых выполнять любые поручения, были Генрих Ягода, руками которого Сталин расправился с «левой оппозицией» — тоже евреями Г. Зиновьевым (Радомысльским) и Л. Каменевым (Розенфельдом), затем Лазарь Каганович и Лев Мехлис. Внешняя политика ряда лет была в руках искусного дипломата Макса Валлаха (он же М. М. Литвинов), которым Сталин заменил русского Г. Чичерина. Фальсификация истории была доверена Исааку Минцу, за что тот стал академиком и дважды лауреатом Сталинской премии. На еврейках были женаты В. Молотов, член политбюро А. Андреев, личный секретарь Сталина — А. Поскребышев. Был слух, что даже Л. Берия — «полуеврей». Но к 1952 г. приближенные евреи или связанные с ними брачными узами были либо репрессированы, либо подвергнуты опале и остракизму. Даже

Светлану Сталин развел с мужем и выдал замуж за сына А. Жданова — Юрия.

Толчком для вспыхнувшей у Сталина юдофобии возможно послужило следующее событие. После того как в конце войны татар депортировали из Крыма, Еврейский антифашистский комитет предложил сделать из Крыма еврейскую советскую республику. В комитет этот, в частности, входили жена Молотова (партийный псевдоним Жемчужина) и известный режиссер С. Михоэлс. Сталин это предложение расценил как происки мирового сионизма. Весь комитет был репрессирован.

Жену Молотова отправили в лагерь, а с Михоэлсом обошлись более жестоко: его убили, объявлено было, что его раздавила автомашина, а затем устроены торжественные похороны. Еще один слух распространялся в то время. В конце 40-х годов Израиль был провозглашен самостоятельным государством. СССР его признал. В Москву прибыла его посол Голда Мейер, впоследствии премьер-министр. Среди евреев в СССР она быстро собрала огромную сумму обесцененных советских денег с целью помощи евреям, пострадавшим от немецкого фашизма. Эти деньги она предъявила советскому правительству с намерением обменять их по официальному баснословно завышенному курсу на валюту и золото. Получила ли она их неизвестно, но многие участники этих сборов были репрессированы.

Арестованных «врачей-вредителей», которым Сталин приклеил ярлык «убийцы в белых халатах», пытками заставили признаться в «злодеяниях». Со слов Н. Хрущева, Сталин сказал министру государственной безопасности С. Игнатьеву: «Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову». Но основой для обвинений служило заявление врача Кремлевской больницы и ассистента М. Вовси — Лидии Тимашук. Было объявлено, что она «разоблачила убийц», за что она была награждена орденом Ленина. По словам Н. Хрущева, Сталин зачитывал приближенным ее письмо. Она писала, что Жданов умер потому, что его неправильно лечили. Сталин сказал, что если в доносе есть десять процентов правды, то это уже факт. Он знал, что А. Жданов последнее время сильно пил. На застольях Сталин даже сам прикрикивал на него, чтобы тот остановился. Этот же порок сгубил и А. Щербакова. Но масла в огонь подлил еще маршал И.

Конев, он прислал Сталину письмо, где утверждал, что его тоже травили врачи. Н. Хрущев назвал Л. Тимашук в своих «Воспоминаниях» «бериевской сексоткой». После смерти Сталина и реабилитации репрессированных врачей (одного из них посмертно — не выдержал пыток), Тимашук была громогласно лишена ордена Ленина. Был пущен слух, что на улице ее задавила автомашина. На самом же деле она продолжала работать в прежней клинике до пенсии и даже оставалась ассистентом М. Вовси, на которого же наклеветала. Мне довелось оказаться свидетелем истории, проливающей свет на «доносительство» Л. Тимашук. В 1958 г. умирал от сердечной недостаточности известный физиолог акад. Л. Орбели. Я был ученым секретарем только что созданного им института и навещал его с делами. Однажды я столкнулся у него с М. Вовси, приехавшим из Москвы на консультацию. Орбели представил меня ему и тот на меня как-то пристально и мне показалось не слишком доброжелательно посмотрел. Чтобы разрядить неловкую паузу, я сказал Вовси, что он стал героем народного фольклора. Недавно в электричке в Петергоф я слышал как пьяненький инвалид, собирая милостыню, пел под

«Дорогой профессор Вовси,
Весь народ был очень рад,
Как узнал, что вовсе,
Ты не виноват.
Ты себе попортил нервы,
Много принял мук
От одной проклятой стервы
Лидки Тимашук».

Тяжело больной Орбели рассмеялся, а Вовси вдруг помрачнел. Как рассказала мне впоследствии Г. Цуринова (секретарь Орбели), после моего ухода Вовси поведал, что доктора Тимашук вызвали «куда надо» и предложили подписать заготовленный донос. При отказе пригрозили ее саму присоединить к «вредителям». «Я ее не осуждаю, — сказал Вовси. — Не знаю, как бы я сам смог поступить на ее месте!» Может быть, эта фраза была его раскаянием.

В 30-х годах выдающийся и широко известный терапевт профессор Д. Плетнев и профессор Л. Левин — оба из «Кремлевки» — были вызваны к телу мертвой Н. Аллилуевой, увидели рану на виске, но им было предложено подписать заключение о смерти от аппендицита. Оба

отказались. Впоследствии Плетнева снова пригласили к мертвому Орджоникидзе (он его лечил) и предложили засвидетельствовать смерть от паралича сердца (при наличии огнестрельной раны груди). Он снова отказался. Прежде чем расправиться с непослушным профессором Сталин решил подготовить общественное мнение. Плетнева подвергли публичному оплевыванию. В «Правде» появилась статья «Профессор — насильник, садист». Будто Плетнев во время осмотра одной пациентки (конечно, агента НКВД) укусил ее в грудь. Началась его травля в печати и на собраниях медиков. В хоре осуждающих Во-вси был одним из первых, где выделялись также А. Богомолец, Д. Бурмин — «лечивший»(?) Бехтерева в день его смерти от отравления, Р. Лурия (автор известной книги о внутренней картине болезни, которую сейчас нередко цитируют медицинские психологи). Устояли немногие — психиатр Ю. Каннабих, терапевты москвич А. Мясников и ленинградец Г. Ланг. Как мне рассказывали, Ланга чуть ли не силком вытянули на трибуну общего собрания 1-го медицинского института им. Павлова и предложили «заклеймить насильника». Ланг, оглядев аудиторию, медленно произнес: Нехорошо кусать женщин в грудь и сошел с трибуны. В начале 1953 г. готовился публичный процесс над «врачами-убийцами». Говорили, что их повесят на Красной площади, одев в белые халаты. На глазах толпы после войны не раз вешали видных эсэсовцев и их сподручных. Для публичного процесса нужна была идеологическая подготовка населения. Ее Сталин поручил недавно включенному в Президиум ЦК ВКП(б) (так с 1952 г. было названо политбюро) молодому идеологу М. Сулову. Сталин хотел убрать «старую гвардию», прежде всего, еврея Кагановича и женатого на еврейке Молотова и выдвигал таких, как С. Игнатъев и М. Сулов. Недаром после смерти Сталина «старая гвардия» именно их сразу удалила из Президиума ЦК.

В Москве всех евреев — видных деятелей науки, искусства, культуры заставляли подписывать письмо с призывом казнить «врачей-извергов», именно повесив их на Красной площади в белых халатах. Многие из страха это письмо подписывали. Мужественно отказались его подписать, рискуя жизнью, — писатель Илья Эренбург и певец из Большого театра — Марк Рейзен. Во всей стране нагнеталась анти-еврейская атмосфера — одна за другой следовали соответствующие статьи в газетах. Ждали еврейских погромов. Страх «врачей-отрави-

телей» охватил множество невежественных и фанатичных людей. Они отказывались лечиться у врачей-евреев; да и на неевреев смотрели с подозрением. Опустели поликлиники, особенно зубоврачебные, где большинство врачей было евреями. Именно этой атмосферой можно объяснить, что когда Сталин умер, его вечно пьяный сынок Василий метался с криками: «Сталина отравили! Сталина убили!». Автор одной из биографий Сталина А. Авторханов посчитал, что это не могло быть «бредом пьяного» и увидел в этом доказательство, что Сталина действительно отравил Берия. Интересно, каким ядом можно безотказно вызвать именно тяжелый инсульт?

Над Кагановичем и Молотовым еще сгущались тучи, а с Л. Мехлисом Сталин успел расправиться. Плоская логика ему подсказала, что если Мехлис еврей, то он должен быть сионистом и мог умертвить своего соперника и приемника на посту начальника Главного политического управления армии Щербакова. Мехлиса отправили в командировку в Саратов, там тихо арестовали, Он вскоре, подписав все признания, умер в Лефортовской тюрьме. Зато 13 февраля 1953 г. его торжественно похоронили — замуравив прах в кремлевскую стену, но Сталин на церемонии не присутствовал. Вслед за казнью врачей должны были вспыхнуть еврейские погромы, а за ними последовать всеобщая депортация евреев в Сибирь и на Крайний Север. Был слух, что даже передовая «Правда» уже была заготовлена с заголовком в сталинском стиле: «Спасти еврейское население от справедливого гнева русского народа». Лишь смерть Сталина прервала все это.

В итоге, все сказанное позволяет диагностировать у Сталина паранойяльное развитие — параноидное расстройство личности по МКБ-10, опираясь именно на принятые в ней критерии. Налицо и непереносимость отказа в своих притязаниях, и злопамятность, и подозрительность, и воинственное отстаивание своих прав, не считаясь ни с чем, чувство собственной важности, и озабоченность заговорческой деятельностью вокруг, т. е. 6 из 7 признаков, хотя для диагностики считается достаточным уже четырех.

Но достигло ли паранойяльное развитие психотического уровня? Переросли ли сверхценные идеи в бредовые и если переросли, то когда?

Был ли у Сталина паранойяльный психоз? Речь, конечно, не может идти о паранойяльной форме шизофрении. Для этого нет никаких

оснований. Однако и при паранойяльной психопатии возможны декомпенсации, достигающие психотического уровня. Именно тогда сверхценные идеи превращаются в бредовые. Каково же различие между ними? К сожалению, в советской психиатрии в последнее десятилетие определение бредовых идей было довольно нечетким. «Идею считают бредовой,— писал А. Снежневский,— тогда, когда она не соответствует действительности, искаженно ее отражает и, полностью овладевая сознанием, становится, несмотря на явное противоречие с действительностью, недоступной исправлению. Она приобретает свойство априорной данности, не нуждающейся в обосновании». Согласно этому определению, бредом могла бы быть признана и вера в чертовщину и нечистую силу, и фанатичная убежденность ортодоксальных марксистов-ленинцев. В «Руководстве по психиатрии» под ред. Г. Морозова определение бредовым идеям вообще не дается. Наиболее четко они характеризуются в современной американской психиатрии: «Бред — ложное непоколебимое убеждение, несмотря на неоспоримое и явное доказательство и очевидность противного — убеждение, которое необычно и не принято в культуре и субкультуре, к которой принадлежит данное лицо».

Однако параноик у власти сам в значительной мере создает окружающую его культуру и субкультуру. Например, под видом «бдительности» насаждает всеобщую подозрительность, шпиономанию, уверенность в том, что все плохое — дело рук «врагов народа».

Однако параноик у власти сам в значительной мере создает свой культ, веру в собственное величие, фактически обожествление самого себя. Тем не менее, когда паранойяльное развитие достигает бредового уровня, железная формальная логика параноика начинает ему изменять. Его заявления и поступки начинают вызывать недоумение, а затем и подозрение в их болезненности среди ближайшего окружения, казалось бы, раболепного, целиком зависимого и неспособного противостоять воле своего вождя. Н. Хрущев в «Воспоминаниях» неоднократно упоминает, когда речь идет о последнем этапе жизни Сталина, что в его действиях было «что-то болезненное». Последние месяцы Сталин на своих застольях почти перестал говорить по-русски, общался с Берией по-грузински. С Молотовым и Ворошиловым вообще перестал разговаривать. Будто бы стал спать в бункере под

землей, разделенном на три секции (никто не знал, в которой он спит), и сам изнутри запирает стальные двери. Когда с ним случился инсульт, все двери эти пришлось электросварщикам разрезать.

Берия удалось отстранить от Сталина и арестовать самых преданных ему личного секретаря А. Поскребышева и начальника охраны П. Власика, не говоря уже о личном враче В. Виноградове. У Поскребышева был выкраен «секретный документ». Что это был за документ, трудно сказать. Можно лишь сказать, что Сталин относил его к государственным секретам. Сталину показалось, что крадут его гениальные мысли, которые он излагал в последнем своем сочинении «Экономические проблемы социализма». В каком-то журнале он нашел, что некто в своей статье написал слово в слово то, что он сам в своей рукописи, еще не изданной и хранившейся у Поскребышева. Случайного совпадения он не допускал.

Сталин решил, что Молотов — американский шпион. Доказательство он увидел в том, что когда Молотов был в США на ассамблее ООН, из Нью-Йорка в Вашингтон он ехал поездом. Следовательно, полагал Сталин, у Молотова в Америке был собственный вагон. А как он мог его занять? Был послан телеграфный запрос А. Вышинскому в Нью-Йорк. Тот ответил, что собственного вагона в США у Молотова нет, но Сталина это не успокоило. Дело дошло до того, что Сталин К. Ворошилова стал считать английским шпионом, перестал ему доверять, не допускал на заседания Политбюро. Почему именно английским? Не потому лишь только, что летом 1939 г. Ворошилов в Москве вел переговоры с английской военной делегацией. Переговоры ни к чему не привели. Последовал наш известный пакт Риббентропа — Молотова с фашистской Германией.

Н. Хрущев писал еще резче, что Сталин был уже «безусловно тронут», «у него психика была как-то нарушена». Поэтому в последние месяцы Сталин во время застолий не ел и не пил, пока кто-либо другой из сотрапезников не попробует из этого же блюда или из той же бутылки. «Он выжидал... смотрит, ничего человек, тогда он немножко выпьет, смакует, а потом начинает пить». Каждое блюдо проходило такую дегустацию. Только Берия, даже когда обедали у Сталина, получал еду из кухни со своей дачи. Неужели в представлении Сталина все яды должны были действовать почти мгновенно? И эти «пробы» действительно могли оградить от отравления? Понятно, что

специалисты подвергали химическому анализу на яды все съедобное, что доставлялось на сталинскую кухню. Но С. Аллилуева вспоминает, что у Сталина «брали пробы воздуха изо всех комнат». Другие предосторожности Сталина также были довольно примитивны. Ему на ночь стелили в двух-трех комнатах и «никто не знал», где он спит. Гардины на полметра были подрезаны от пола, чтобы за ними никто не мог спрятаться.

По словам весьма осведомленного И. Эренбурга, после XIX съезда у Сталина была «мания преследования». Он считал, что Ворошилов, Молотов, Каганович и Микоян хотят его убить.

В 1952 г. декомпенсация, достигшая бредового уровня, развилась уже на фоне атеросклеротического поражения мозга. Появились выпадения памяти. Однажды Сталин не мог вспомнить фамилию сидевшего перед ним Н. Булганина. Когда-то немногословный, стал болтливым, появилась глупая хвастливость. Например, во время одного из застолий рассказал, что когда был в ссылке в Сибири, пошел на охоту. Увидел 24 куропатки, но с собой было только 12 зарядов. Половину убил, затем вернулся 12 верст домой, взял еще заряды, снова пришел на то же место и застрелил дожидавшихся его остальных 12 куропаток. Следовательно, только за день ему пришлось пройти 48 верст! Именно в этот период Сталин, прежде сдержанный, стал крайне вспыльчивым.

Инсульт в 1953 г. не был первым. Проф. А. Мясников, присутствовавший на вскрытии, писал впоследствии, что в мозгу было несколько размягчений — следов от ранее перенесенных легких инсультов.

Но не только недоумение и догадки о болезненной природе высказываний и поступков у ближайшего окружения параноика у власти могут быть признаком трансформации сверхценных идей в бредовые. Еще один признак в том, что действия параноика начинают наносить явный, очевидный ущерб ему самому. Самого себя он ставит в опасное положение. Отстранив от себя В. Виноградова, Сталин не взял никакого другого врача. Его лечил майор из его охраны — бывший ветеринарный фельдшер. Больше он никому не доверял. Никто не измерял ему кровяного давления, не осматривал, не давал лекарств. Он принимал какие-то настойки из своей собственной аптечки. Когда Сталин потерял сознание, он много часов пролежал безо всякой

помощи. Охрана не могла узнать в чем дело из-за сложности системы внутренних сообщений между тремя отдельными помещениями, в одном из которых мог быть Сталин. Открыть дверь он мог только сам с помощью специального электрического механизма. Пришлось взламывать все двери подряд. За одной из них Сталин без сознания лежал на полу.

Сказанное позволяет прийти к заключению, что в последний год жизни паранойяльное развитие у Сталина достигло психотического уровня: сверхценные идеи трансформировались в бредовые.

Можно лишь предположить психотический эпизод в 1937—1938 гг., когда Сталин опять же нанес себе самому, своей личной власти тяжкий урон, лишив армию и флот накануне войны 40 тысяч командиров — очевидно, что заговора такого масштаба быть не могло. Д. Волкогонов высказал предположение: «Не была ли рядом с жестокостью и никогда не распознанная душевная болезнь Сталина? Иначе трудно объяснить, зачем ему, устранившему всех соперников, продолжать вырубать лучших людей... в канун грозных испытаний».

Суждения о развитии паранойяльного психоза у Сталина вызвало весьма резкие возражения. С одной стороны, от ярых защитников Сталина и сталинизма. Сталин для них — святыня, и сказать, что у него был психоз — это оскорбить божество. Но возражали и те, кто пострадал от сталинских репрессий. Для них сказать, что у Сталина когда-то мог развиваться психоз — это освободить его от ответственности. При этом не учитывается другое — то, что в настоящую эпоху гораздо важнее — ответственность перекладывается на его ближайшее окружение, на всю партийную систему, которая его вознесла и потом своими руками творила то, на что толкала его больная воля.

Примером суждений подобного рода неспециалистов может послужить весьма безапелляционное заявление автора одной из опубликованных за рубежом биографий Сталина — А. Авторханова. «Наивно думать... или объяснять кажущийся бессмысленным жестокий террор Сталина результатом паранойи, — писал он. ...Все поступки, действия, преступления Сталина целеустремленны, логичны и строго принципиальны. У него нет зигзагов душевно больного человека: помрачение ума, а потом просветление, восторг сейчас, меланхолия через час, злодеяния сегодня и раскаяния завтра, как бывало с действительно больным Иваном Грозным». Как видно, представления

Авторханова о душевнобольном человеке сами по себе достаточно наивны.

Среди высказываний специалистов-психиатров преобладало отрицание не только психоза, но и паранойяльного развития вообще. А. Портнов оценил Сталина как «крайний вариант нормы», видимо, избегая использовать термин «акцентуированная личность». К сожалению, не высказали своего мнения известные специалисты по паранойе — авторы монографии о ней А. Смулевич и М. Щирин, а также сотрудники института им. Сербского, обладающие большим опытом экспертиз при паранойяльном развитии. По мнению психоэндокринолога А. Белкина, при паранойе болезнь должна бросаться в глаза, должна снижаться критика, падать реальная работоспособность, деградировать прогностическая функция мышления. Ничего не заметили встречавшиеся в 30 — 40-х годах со Сталиным писатели Андре Жид и Лион Фейхтвангер (тот вообще ничего не заметил в СССР — его «Москва 1937 года» представляла страну в эпоху страшного террора как идиллию), Ф. Рузвельт, У. Черчилль. Здесь А. Белкин противоречил самому себе: он начинал статью с замечания, что при однократной беседе без специально поставленных вопросов паранойю обнаружить невозможно. Все упомянутые писатели и государственные деятели имели со Сталиным краткие встречи, да еще беседы через переводчика. Но мнения постоянно общавшегося со Сталиным а Хрущева А. Белкин не привел, а последние месяцы жизни вообще не и принял во внимание, заключив свои рассуждения эмоциональным заявлением, что «психиатрия не может оправдать жестокость Сталина», к Но смысл психиатрической диагностики заключается не в оправдании или обвинении, а в объективной оценке психического состояния. Если отступить от этого принципа, легко скатиться на путь политической психиатрии.

Конечно, различные точки зрения возможны и естественны. Мы Постарались привести максимально возможный из доступного фактического материала в пользу предположения: шизоидная акцентуация — паранойяльное развитие (формирование паранойяльной психопатии), достигшее в конце жизни психотического уровня.

В чем особенности паранойяльного развития на фоне шизоидной акцентуации характера? Сопоставление с житием Ивана Грозного — эпилептоида в преморбиде — позволяет, прежде всего, увидеть много общего, присущего параноикам, оказавшимся на вершине власти. У одного опричина, у другого ту же роль играют ГПУ — НКВД — МГБ. Оба живут доносами, у обоих признание вины под пытками — единственно необходимое доказательство вины. Обоим видятся мнимые заговоры, у обоих идеи преследования оборачиваются массовыми репрессиями, которые со временем обращаются на ближних — родственников, послушных и преданных сподвижников. Круг ненависти все расширяется, охватывая целые города, сословия, национальности. Эта ненависть зиждется на ущемленном самолюбии. Сталин ненавидел Ленинград — во время Октябрьского переворота, будучи в этом городе, он оказался на задних ролях. В 1927 г. в Ленинграде прошла демонстрация в защиту Троцкого. Здесь же вознесся Киров — соперник, показавшийся Сталину опасным. Неприязненно Сталин относился и к Тбилиси — о семинарии остались унижающие воспоминания, а в 1921 г., когда он решился выступить в этом городе на митинге железнодорожников, его освистали. Роль ненавистных сословий сыграли «военспецы», «кулаки», «старая большевистская гвардия», относившаяся к нему без должного пиетета, а затем все, кто побывал в немецком плену — живые свидетели поражения «гениального полководца».

И у Ивана Грозного, и у Сталина были идеи отношения — по взглядам собеседников оба отгадывали их мысли. Оба постоянно страшились отравления. Наконец, обоим были присущи идеи величия. Божественное происхождение власти атеисту-Сталину заменило полное убеждение, что он единственный продолжатель марксизма-ленинизма, новый мессия для всего человечества. Один считал себя непревзойденным авторитетом в богословии, другой — корифеем науки — поучал несмысленных специалистов всему — от языкознания до военного искусства. Отдавал и медицинские распоряжения. Во

время войны Сталин запретил применить только что полученный из США пенициллин тяжело раненому командующему 1-м Украинским фронтом генералу Н. Ватутину, чем не оставил никаких надежд на спасение (что за лекарство из плесени? а вдруг диверсия?). Знаменитый покоритель Северного полюса И. Папанин, будучи на отдыхе в Кисловодске, получил телеграмму с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью Сталина, где запрещалось врачам курорта отпускать Папанину нарзанские ванны. И Грозный и Сталин испытывали постоянную потребность чувствовать, как их все любят и уважают («дорогой», «любимый вождь», «отец и учитель» — были постоянными эпитетами в речах и писаниях о Сталине). Обоим было присуще страстное желание оправдаться перед историей. Все незаконные репрессии Сталин оправдывал «борьбой за дело рабочего класса», за «торжество социализма», за «светлое будущее». Каждое преступление он любил обосновывать идеологически: ссылкой на Ленина, если была подходящая цитата, или сочинением новой догмы, если цитаты не находилось.

Обоим было присуще ханжество. «Любимый вождь» долго не занимал никаких государственных постов. Формально во главе государства стоял М. Калинин, никакой властью не обладавший (как не вспомнить «царя» Едигера-Симеона при Иване Грозном). Во главе правительства почти до самой войны был В. Молотов. Именно в разгар репрессий Сталин провозгласил: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее!». Объявив, что «дети за родителей не отвечают», Сталин тут же создал специальные детдома для перевоспитания «детей врагов народа», да еще ввел закон, по которому арестовывать и судить можно было уже с 12-летнего возраста.

Однако шизоидно-паранойяльный вариант имеет свои особенности, отличающие его от эпилептоидно-паранойяльного.

Во-первых, отсутствуют внезапно наступающие дисфории — внезапные вспышки ярости, проявляющиеся в виде приступов особой жестокости. Шизоидам свойственна сдержанность в проявлении чувств и до появления атеросклеротических изменений личности у Сталина, эта сдержанность была ему присуща.

Во-вторых, нет проявлений садизма в принятом физическом понимании этого слова. Сталин сам никого не убивал — во всяком случае, свидетельств этому нет. Он лишь подписывал длинные списки со

смертными приговорами. Нет никаких данных, чтобы он присутствовал на пытках, а тем более сам пытал. Он лишь разрешил пытки и иногда давал советы, кого и как пытать. Подсунутый на стул спелый помидор, когда туда на него усаживался в белом костюме грузный Хрущев, в глазах Сталина было милой шуткой. Правда, имеется рассказ об еще одной забаве. Как будто однажды Сталин одел на пальцы А. Поскребышева бумажные трубочки и поджег их. Тот корчился от боли, а Сталин хохотал. Во время войны Сталин поощрял и провоцировал насилие над подчиненными среди военных: «Надо бить морду!» — было его излюбленным заявлением. И били, особенно отличался будущий маршал С. Захаров. Э. Фромм полагал, что Сталину был присущ особый «несексуальный ментальный садизм» Предсмертные письма осужденных к расстрелу крупных партийных функционеров Сталин пускал по кругу среди своих приближенных и наблюдал за их реакцией. Проявлением подобного же садизма была его «игра с жертвами». Например, С. Кавтарадзе — соратника по дореволюционному подполью — долго держали в камере смертников как приговоренного к расстрелу. Затем внезапно выпустили на свободу. Через некоторое время вместе с женой отправили в ссылку и столь же неожиданно вернули в Москву. Сталин сам навестил его, пригласил к себе на обед, благожелательно беседовал и вдруг заявил «И все же ты хотел убить меня¹», повернулся и ушел. Перед арестом некоторых проявлял к ним особую благожелательность, усыплял страх. За несколько дней до уничтожения В. Блюхера тепло говорил о нем на каком-то собрании. Арестовывал жен, детей и братьев своих приближенных, которые продолжали работать с ним бок о бок. И опять же наблюдал, как они ведут себя. Насколько это было «ментальным садизмом», насколько способом проверки на «верность и послушание» — трудно сказать. Одно время начальником охраны Кремля был А. Паукер, наделенный клоунским талантом. На застольях у Сталина он изображал Г. Зиновьева, которого ведут на расстрел — Сталин заливался от смеха.

Следователям из НКВД Сталин внушал, что на арестованных сильнее всего действуют признания их родных и близких — это их деморализует. Велел сказать Л. Каменеву, что если тот не признается, то ему найдут подходящую замену — его любимого сына («Лютика») избалованного и безвольного, который признается, что он готовил

террористический акт по заданию отца Посоветовал Зиновьева в жару держать в камере с невыключенным центральным отоплением, тот мучался от приступа астмы

Г. Орджоникидзе перед смертью получал пересылаемые ему Сталиным доносы на него из НКВД В день смерти Сталин передал ему протокол допроса брата Орджоникидзе и поручил ему на предстоящем пленуме ЦК сделать доклад о вредительстве в промышленности, т е оклеветать и выдать на растерзание своих ближайших помощников

Сталин как будто получал наслаждение, спаивая сотрапезников, а сам пил вино, разбавленное водой Но Хрущев считал, что спаивание имело целью «развязать языки»

Третья особенность шизоидно-паранойяльного развития состояла в особых свойствах мышления Пространная обстоятельность и трудность переключения, вязкость эпилептоида здесь отсутствует. Волкогонов назвал мышление Сталина «катехизисным», оно отличалось крайним схематизмом и формализмом. Три источника и три составные части марксизма; четыре этапа развития оппозиционного блока; пять особенностей Красной армии; шесть условий построения социализма в отдельно взятой стране...

Наконец, четвертое отличие — до конца жизни сохраняются определенные шизоидные черты — замкнутость, нелюдность, непредсказуемость поступков, холодное бесчувствие к людям. Если же попытаться обобщить все сказанное в целом, то опять же нет лучше слов А К. Толстого об Иване Грозном. Перефразировав их, можно сказать, что не Сталин «один несет ответственность..., не он один создал свой произвол, и пытки, и наущничество... Эти возмутительные явления были подготовлены предшествующими временами». И Ленин, и Троцкий с красным террором внесли свою лепту во вседозволенность власти «И земля, упавшая так низко, что могла смотреть... без негодования» и на репрессии, и доносы, и обожествление тирана, сама создавала Сталина, подобно тому, как «рабелепные римляне создавали Тибериус, Неронов и Калигулу».

А. Гитлер (Шикльгрубер) как пример паранойяльного развития на почве истерической психопатии.

Истерический преморбид

Судя по описаниям, истерические черты у Гитлера достаточно ярко выступили с юных лет. Народную школу, дававшую начальное образование, он закончил. Но среднего образования получить не смог. В реальном училище дважды остался на второй год из-за «неспособности к упорядоченному труду». Даже по истории, которую он якобы любил, его оценки были не выше удовлетворительных. К точным наукам питал отвращение. Конечно, уходу из училища он придумал красивый довод — мол, просто он не хотел в будущем становиться чиновником, как его отец. С тех пор в юности он нигде не учился и лишь урывками работал. Мечтал стать знаменитым художником — переехал в Вену, дважды пытался поступить в Академию художеств, но провалился на вступительном экзамене по рисунку. Тем не менее, остался в Вене и всем выдавал себя за «свободного академического художника». Жил в бездельи, но одевался, подражая состоятельным студентам. В 16 лет ходил с тростью с набалдашником и в лайковых перчатках. Время проводил в кофейнях, в театрах, особенно в опере — Вагнер тогда был в большой моде. Вел светские беседы с мимолетными знакомыми. У него не было ни близких, ни друзей, ни возлюбленной. Жил на средства, присылаемые матерью, получавшей пенсию за умершего отца — таможенного чиновника. Когда умерла мать, Гитлер мошенническим образом выхлопотал себе пособие как сироте-студенту Академии художеств. И быстро прожил доставшееся наследство от тетки. Пришлось с квартиры перебраться в «мужское общежитие» для одиноких низкооплачиваемых рабочих и подрабатывать продажей перерисованных открыток. Но в мечтах, по

его же словам, он жил во дворцах и был одержим фантазиями — рисовал проекты театров и замков. С тех пор возненавидел Вену.

В 1913 г. Гитлер переехал в Мюнхен. Повод объявил самый возвышенный — в Мюнхене, а не в Вене он увидел настоящий центр искусств. Но дело было, видимо, гораздо прозаичнее — молодой Гитлер в то время боялся призыва на военную службу в родной Австрии и уехал в Германию, рассчитывая жить там, как иностранец. Все же его и в Мюнхене вскоре изловили, арестовали и препроводили в австрийское консульство. Тогда он написал длинное и слезливое объяснение, оправдывая неявку на призыв на родине. К его счастью, медицинская комиссия признала его «слишком слабым» для несения строевой службы. В Мюнхене он по-прежнему жил продажей перерисованных открыток, но одевался тщательно и вечера проводил в пивных со случайными знакомыми. Среди них прослыл «образованным» и охотно разглагольствовал о величии немецкой нации и злых кознях евреев, чувствуя согласный отклик в сердцах своих слушателей.

Итак, бездельник, неспособный ни к учебе, ни к систематическому труду, посредственный рисовальщик с претензиями стать великим художником, мошенник и фантазер, жаждущий внимания слушателей, без близких друзей, живущий случайными грошовыми заработками, но разыгрывающий роль солидного и образованного человека — таков Гитлер в юности.

«Он всю жизнь играл: юношу из «хорошей семьи», студента повесу, потом героя войны, «человека из народа». В новом костюме или форме он сперва фотографировался, а затем появлялся на людях. Даже его конец с самоубийством был стилизован под «Гибель богов» Р. Вагнера. В советские руки он попасть не хотел. Бежать было некуда. В подземном бункере в Берлине, когда в городе уже шли уличные бои, Гитлер устроил торжественную свадьбу с Евой Браун — своей последней сожительницей, согласившейся умереть вместе, узнав, что в Италии любовницу Муссолини казнили вместе с ним, а труп выставили для поругания толпы. Гитлер повелел сжечь свой труп вместе с телом Евы Браун, чтобы никто не мог их опознать. Затем всем, кто был с ним в бункере торжественно пожал руку на прощанье. Дал ампулу с ядом своей любимой овчарке. Ушел с Евой Браун в отдельное помещение — той дал яд, а сам выстрелил себе в рот из револьвера.

Сожженный труп должен был, возможно, способствовать легенде о чудесном спасении Гитлера, о том, что он где-то скрывается.

Сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы не только определить истероидный тип акцентуации характера, но и диагностировать истерическую психопатию по критериям МКБ-10. Налицо присущие истерическому расстройству личности постоянное стремление к признанию со стороны окружения и к деятельности, где можно быть в центре внимания, и театральность, и поверхность эмоций, и неадекватная оболъстительность во внешнем виде и поведении.

Истерические черты сохранились на протяжении всей дальнейшей жизни Гитлера. Разразившуюся Первую мировую войну он принял с восторгом. В шовинистическом угаре подал прошение баварскому королю зачислить его, австрияка, в баварский полк. Его, видимо, как нестроевого, сделали посыльным при штабе. В последствии он гордо называл себя «связным». И. Фест посчитал, что Гитлер был храбрым солдатом. Скорее, он умел использовать ситуации, где можно было выглядеть героем. Еще в начале войны был награжден Железным крестом 2-й степени. Но в 1918 году получил редкую для нижнего чина награду — Железный крест 1-й степени. В последующем в его биографии рассказывалось, что фюрер один взял в плен 50 французских солдат. То ли это был чистый вымысел, то ли в 1918 году, когда патриотический пыл давно прошел, среди французских солдат могли найтись охотники отсидеться до конца войны в безопасном плену, а не пасть смертью храбрых или стать инвалидом. Есть еще одно «романтическое» обстоятельство, которое могло способствовать награде: «трогательная» дружба Гитлера с одним капитаном его же полка — художником-любителем, который отличался гомосексуальными склонностями и кому Гитлер охотно служил обнаженной натурой для его рисунков. Когда Гитлер пришел к власти, гестапо разыскивало и этого капитана, и его рисунки, но тот успел умереть от рака

В октябре 1918 г. Гитлер попал под обстрел газовыми снарядами. К утру он ослеп. Недели через две зрение восстановилось, но 10 ноября 1918 г. в Германии произошла революция. Кайзера Вильгельма свергли. Поражение Германии завершилось миром с тяжелыми условиями. Гитлер воспринял это как «позор для нации». В стране, потерпевшей тяжкое поражение, ореол «солдата героя» оказался омрачен-

ным и даже посрамленным. Гитлер плакал и у него снова разразилась слепота. Диагноз был — истерический невроз.

После падения недолговечной Баварской советской республики (памятью о ней в Петрограде — Ленинграде осталась «Красная Бавария» — большой пивной завод) Гитлер «выявлял» ее сторонников для расправы со стороны шовинистических офицерских организаций. Но теперь у него появилось новое увлекательное амплуа — пламенного оратора в мюнхенских пивных, где собирались бывшие солдаты и слушали своего сотоварища. У Гитлера проявился ораторский талант, уверенность в себе в риторическом раже. Он говорил бывшим фронтовикам о поруганной Родине, о позорном мире — винил во всем правительство, социал-демократов, большевиков, евреев, предавших страну. Стиль его ораторства был театральным, но говорил он доходчиво и понятно. Он обладал свойственным истероидам чутьем настроения окружающих и становился его ярким выразителем. Ему была присуща «инфантильная черта перецеголять, поразить чем-то необыкновенным, произвести впечатление. Впоследствии Гитлер цинично заявлял в узком кругу, что он многому научился у марксизма — «Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю — этой абсурдной чепухе... я научился их методам».

Его ораторское искусство было замечено. Гитлера привлекли к организации Немецкой рабочей партии в Мюнхене, девизом которой стала не классовая борьба, а единство нации. Название вскоре было изменено на национал-социалистическую рабочую партию, а свастика сделана ее символом. Гитлер предложил для членов партии «римское приветствие» — вытянутую вперед руку.

Гитлера стал поддерживать Эрнст Рем, капитан, близкий советник полковника Эппа, стоявшего за военным режимом в Баварии после падения там советской власти. Рем был храбрым воякой, не раз был ранен, владел деньгами и оружием и был организатором «штурмовых отрядов» из бывших участников войны, среди которых было немало безработных. Гитлер к военным занятиям штурмовиков добавил торжественные смотры и парады, освящение знамен отрядов и другие театрализованные действия. На сборах штурмовиков после маршей, церемониального выноса знамен, криков «Хайль!» следовала речь Гитлера, полная страсти, патетики и призывов. Неистовый пыл его

выступлений заражал бывших фронтовиков, мечтавших о реванше. Гитлер делался все более популярным. С помощью Рема он приобрел мюнхенскую газету «Фелькишер Беобахтер», которая стала рупором партии. Ее немалому успеху способствовала начавшаяся в 1920 г. в Германии инфляция — марка упала в 100 раз («пфенинговая марка»). Недовольных правительством становилось все больше. Гитлер умело играл на настроении масс. Именно тогда около него появился Рудольф Гесс — мюнхенский студент (университета он так и не закончил), уже успевший повоевать добровольцем и бывший дважды ранен. Гесс был организатором студенческих отрядов штурмовиков — привлечение молодежи было очень важно для Гитлера.

Истерические черты в поведении Гитлера ярко выступили во время так называемого «пивного путча» в ноябре 1923 г. Лозунгами его были «Смыть ноябрьский позор» (имелся в виду мирный договор в ноябре 1918 г.) и «Возвеличить немецкую нацию!». Никакого серьезного плана захвата власти не было. Все было построено на бурных эмоциях, мистификации и обмане, к которым столь склонны истерические личности. 8 ноября 1923 г. баварское правительство (в Германии тех времен, как и сейчас, в каждой «земле» было свое местное правительство, кроме центрального в Берлине) проводило митинг в большом пивном зале. Гитлер ворвался туда с 600 вооруженными штурмовиками и легким пулеметом, пальнул в потолок и, появившись на сцене с кружкой пива в руках, провозгласил: «Национальная революция началась! Баварское правительство и правительство рейха (в Берлине!) низложены! Части рейхсвера (остатки немецкой армии после войны) и полиция уже идут под знаменем со свастикой!». Официальное правительство Баварии было тут же арестовано студентами штурмовиками во главе с Гессом и интернировано на вилле одного из сторонников Гитлера. Но фактическим правителем Баварии был триумвират из трех генералов. Они тоже восседали на сцене злополучного митинга. Гитлер увел их за кулисы и потребовал поддержать его — в их руках были войска рейхсвера и различные военные организации, не принадлежавшие к штурмовикам. Гитлер грозил генералам револьвером с 4 зарядами если они его не поддержат, то 3 пули для них и одна для него самого. Но генералы молчали.

Известно, что с 1905 г. Гитлер неоднократно грозил окружающим покончить с собой, оказываясь в затруднительном положении. Но, как

нередко свойственно истерическим суицидальным демонстрациям, никогда не переходил от слов к делу.

Гитлер не стал уговаривать упершихся генералов. Он выскочил на сцену и объявил, что его поддержали. Митинг разошелся, а на следующий день генералы ввели в Баварии военное положение.

Гитлер объявил себя обманутым ими. Здесь ярко выступила еще одна истерическая черта — склонность к самодраматизации, чрезвычайная внешняя выразительность эмоций. Гитлер то бушевал от гнева, то впадал в апатическую прострацию, то во всем сомневался, то снова воодушевлялся. Решил подымать народ на всеобщее восстание, звал к походу на Берлин. На один день назначил 14 митингов, надеясь выступить на каждом. Затем, несмотря на запрет, была назначена демонстрация его сторонников. Полиция встретила ее огнем. Были убитые и раненые. Гитлер шел в первом ряду, был свален убитым соседом, сломал ключицу и быстро скрылся на санитарной машине. Потом уверял, что спасал от выстрелов оказавшегося рядом маленького ребенка. Спрятался на вилле одного из своих сторонников, опять грозил самоубийством, но дал себя уговорить не делать этого во имя спасения нации. Через 2 дня его отыскала полиция. При аресте вел себя высокомерно, торжественно надел на грудь орден Железного креста I степени. Суду обрадовался как ораторской трибуне. Демонстративно признался в намерениях свергнуть правительство, но категорически отверг государственную измену — он, мол, хотел лучшего для своего народа. Всю вину старался взять на себя, тем самым оттесняя своих влиятельных сотоварищей на задний план. Приговор был весьма мягким — 5 лет тюрьмы, но без последующей принудительной высылки на родину в Австрию, чего Гитлер больше всего боялся. Когда его выводили из зала суда, собравшаяся толпа встретила его овацией.

В тюрьме Гитлер разыгрывал роль мученика за идею. В камере повесил принесенный ему лавровый венок. Его навещали: по 6 часов в день принимал посетителей и подарки. От приношений его камера напоминала гастрономическую лавку. В день его 35-летия цветы и подарки заполнили несколько комнат. Он щедро делился с охраной и потому пользовался большой свободой.

В тюрьме он начал писать «Майн Кампф», вернее диктовать сидящему с ним Гессу, который печатал на машинке и, вероятно, избавлял от возможных грамматических ошибок. Этот первый вариант

«Майн Кампф», затем неоднократно переиздававшейся, уже отличался претенциозным стилем и стремлением недоучки блеснуть ученостью. Между прочим в нем были рассуждения о сифилисе. В последствии этот первый вариант было запрещено цитировать.

В итоге тюрьма обернулась не наказанием, а возвеличиванием Гитлера. Его сотоварищи по заключению признали в нем безусловного вождя. Думается, что именно отсюда началось паранойяльное развитие, для которого сильным провокатором служит обладание большим влиянием и властью.

Однако истерические черты оставались как незыблемый фон на протяжении всей жизни. Сохранилась жажда массовых манифестаций, где Гитлер был центром внимания. Партийные съезды в Нюрнберге превратились в грандиозные шоу с оркестрами, торжественным выносом знамен, маршем многих тысяч штурмовиков, спортивными представлениями, живыми картинами, театрализованными постановками, хоровым пением и криками «Хайль Гитлер!». В 1929 г. на очередной съезд в Нюрнберге 30 специальных поездов с разных концов страны привезло 200 тыс. сторонников. Гитлер жаждал массовых митингов со световыми эффектами и оркестрами, наэлектризовавшими толпу. Выходил всегда через проход в зале — как был шел из народа под овацию своих сторонников. Не допускал никаких других речей, даже вступительных слов. Говоря, неистово жестикулировал, жаждал аплодисментов и криков восторга. Все речи заготавливались заранее, а Гитлер умел создать впечатление, что все сказанное рождается по вдохновению. Но в неприветливой аудитории быстро терял нить, обрывал выступление и уходил.

Расчетливое актерство проступало на всем его пути. «Что касается торжественных рукопожатий и исполненных значения взглядов, то ему не было равных». С 1929 г., когда началась безработица и голод, вождь партии стал разыгрывать роль аскета — не пил (а когда-то все вечера проводил в мюнхенских пивных!), не курил, держал вегетарианскую диету, не употреблял кофе и чая, а пил отвары из трав.

Свое назначение рейхсканцлером (т. е. главой правительства) Гитлер отметил факельным шествием, препроводившим его в имперскую канцелярию — резиденцию правительства.

Период политических, а затем и военных успехов — присоединение Австрии, оккупация Чехии, Польши, Дании, Норвегии, Голландии,

Бельгии, Люксембурга — все это шло под фейерверк грандиозных зрелищ, парадов, маршей, факельных шествий. Гитлер вообще предпочитал ночные феерии с прожекторами и факелами. Его фигура высвечивалась под неистовство оваций.

Даже запрещенные книги не просто изымались из библиотек. Они демонстративно сжигались на площадях перед университетами.

На дипломатических переговорах Гитлер умел разыгрывать роль совершенно откровенного человека. Он обладал неординарной способностью «вживаться в образ». Перед аристократами он изображал «человека из народа».

Грандиозный спектакль был разыгран при подписании перемирия с разгромленной Францией. Церемония совершалась в Компьенском лесу на той же лужайке и в том же железнодорожном вагоне, где в 1918 г. Германии был навязан «позорный мир». Вагон пригнали из музея. Оттуда же доставили стул, на котором сидел в 1918 г. французский маршал-победитель Фош. Теперь на этот же стул уселся Гитлер. При встрече Гитлера в Берлине была разыграна невиданная феерия его триумфа. Но когда начались поражения, Гитлер стал чураться публики. Появилась свойственная истерическим личностям при неудачах и провалах тяга к уходу от реальности в мир фантазий. Он собирал на застолья адъютантов и секретарш и вслух фантазировал о великом рейхе, о полном уничтожении всех евреев, о превращении славян в рабов, о строительстве железной дороги от Германии до Донбасса с шириной полотна в 4 метра, по которой пойдут поезда со скоростью 200 км/час. Имеется множество описаний «припадков» у Гитлера. Не оставляет сомнения их истерическая природа. При отказе в чем-либо он своими тирадами и криками доводил себя «чуть ли не до своего рода сумасшествия». Неистовый аффект достигался истерической самодраматизацией.

Итак, все сказанное свидетельствует, что истерические черты сохранились на протяжении всей жизни вплоть до финала с самоубийством.

Паранойяльное развитие. Пожалуй, первым его признаком послужил тот, который П. Б. Ганнушкин считал важнейшим для данного типа психопатий — образование сверхценных идей. Такой идеей у Гитлера стала необходимость «смыть позор» Версальского договора, возвеличить немецкую нацию и расправиться с теми, кого он считал

виновниками позора — евреев, большевиков и социалистов. Эта идея завоевала его с началом ораторства в мюнхенских пивных перед бывшими фронтовиками. Гитлер только об этом и витийствовал, только этим и жил. Ему было уже за 30 лет — возраст, который считается наиболее частым для начала паранойяльного развития. И. Фест писал, что жизнь Гитлера казалось состояла из «двух несовместимых друг с другом кусков», причем второй отрезок начался с 33 лет. А. Литманович также разделил жизнь Гитлера на два периода, но истероидной психопатии он сразу добавил прогрессивный паралич.

Ненависть к большевикам, возможно, родилась в период Баварской советской республики. Гитлер уверял впоследствии, что «красные» хотели с ним расправиться, когда он, ослепший, еще лежал в госпитале, но он схватил карабин и они в страхе разбежались. К тому же большевики пропагандировали интернационализм и классовую борьбу, а Гитлер стоял за величие и единство немецкой нации.

Ненависть к правительству Веймарской республики и социал-демократам связана с их ответственностью за «позорный мир», лишивший Гитлера ореола героя-победителя.

Ненависть к евреям имела большую давность и более глубокие корни. Антисемитизм у юного Гитлера пробудился еще в реальном училище в Линце, где, возможно, евреи преуспевали в учебе, а над ним насмехались за неспособность к систематическому труду. Антисемитизм окреп в Вене, где было много евреев — и торговцев, и студентов, а Гитлер завидовал тем, кто преуспевал.

Есть еще одно обстоятельство, которое могло подогреть оголтелый антисемитизм. Известный французский психиатр А. Барюк в руководстве по психиатрии выделял особый антисемитский «бред ненависти». Он считал, что этот бред часто развивался у тех, у кого, как говорится, имеется еврейская кровь, но кто тщательно это скрывает. Существуют подозрения, что дед Гитлера с отцовской стороны был евреем. Его бабка Анна-Мария Шикльгрубер была служанкой в доме богатого еврея Франкенберга и родила внебрачного сына Алоиса — будущего отца Гитлера. В отцовстве подозревался ее хозяин. Затем она, имея неплохое приданное, вышла замуж за бедняка — подручного мельника Иоганна Гидлера, но сына Алоиса отдала на попечение брату мужа, который впоследствии его усыновил. Так отец Гитлера сменил фамилию Шиклигрубера на Гитлера, Алоис получил образование (не

на деньги ли Франкенберга?) и стал таможенным чиновником. Адольф был его 4-м ребенком от 3-й жены, но в живых осталась только одна сестра Гитлера. Известно, что Адольф Гитлер ненавидел своего отца, называл его горьким пьяницей, хотя тот дослужился до пенсии и обеспечил вдову. Как уже было сказано, Гитлер после смерти матери воспользовался службой отца, чтобы мошенническим способом получить пособие сироте-студенту академии художеств. Когда Гитлер пришел к власти, вся эта история тщательно скрывалась. Якобы даже надгробная плита на могиле его бабки в Австрии была снята и заменена новой, так как в надписи на прежней что-то не устраивало Гитлера. Но главная из сверхценных параноидальных идей — особое значение собственной личности, повышенное чувство собственного достоинства, завышенная оценка своих способностей, своих талантов и умений, своей мудрости и прозорливости — открыто выступила позднее. Г. Аммон выдвинул иную концепцию генеза паранойи. В ее основе лежит сочетание деструктивного страха, деструктивного нарциссизма и деструктивной агрессии. Проявлений нарциссизма и агрессии у Гитлера было предостаточно. Но страх? Казалось бы, это противоречит взглядам Э. Крепелина и П. Б. Ганнушкина об убежденности в особой значимости своей личности. Но не является ли ее завышенная оценка следствием затаенного страха быть униженным и низвергнутым? Когда-то это должно прорываться. Гитлер сказал о вождях старых немецких консервативных партий: «Они недооценивают меня, потому что я вышел из низов... потому что у меня нет образования...». Позднее то же могло быть адресовано немецкому генералитету.

С 1923 г. начался культ Гитлера, в сотворении которого поначалу особенно преуспел Рудольф Гесс. В тот год день рождения, Гитлера отмечали 10 тыс. штурмовиков и членов партии. В тюрьме после пивного путча окруженный всеобщим пиететом Гитлер начал держаться величественно. Проявились «самоуверенные контуры единственного наделенного мессианскими способностями вождя». «Я должен отправиться в Берлин, как Христос в Иерусалим,— заявил Гитлер,— чтобы выгнать торговцев из храма».

Еврейство, христианство и марксизм для Гитлера были едины.

Антисемитизм стал центральной сверхценной идеей: евреи — «чума человечества» и должны быть уничтожены. Великому немец-

кому народу нужно «жизненное пространство». Гесс, родители которого были из прибалтийских немцев, подал Гитлеру идею, что этим пространством должна стать Россия. Раньше она держалась на немцах — со второй половины XVIII века в жилах ее царей текла немецкая кровь, немцы заполняли высшие должности в армии, флоте, чиновничестве, немецкие колонисты владели лучшими землями, но большевики заменили немцев евреями.

В 1924 г., через год после начала заключения, Гитлера уже выпустили на свободу. Но партия была запрещена, ее лидеры перессорились, а инфляция сменилась стабилизацией. Гитлер даже обрадовался этому — соперники по руководству партией остались не у дел. Он заявил: «Теперь будем бороться, как хочу я и никак иначе!». Коренным образом он изменил курс — идти к власти не восстанием, а добиваться ее законным путем — победой на выборах. Рем был против этого, его «вечные солдаты» жаждали боев. Гитлер порвал с Ремом, которому был обязан своим первоначальным восхождением. Гитлер добился того, что был избран «Первым Президентом партии». Теперь партия управлялась только его приказами. Гауляйторы (руководители партийных округов) больше не выбирались на местах, а назначались им. Впоследствии, когда появились деньги от промышленников, Гитлер создал большую партийную бюрократию с массой отделов, дублирующих министерства, сам всех назначал и определял оклады и даже контролировал частную жизнь.

Зато на выборах в рейхстаг в 1932 г. партия завоевала уже первенство — 230 депутатских мест. Гитлер потребовал себе пост рейхсканцлера, т. е. главы правительства, но ему предложили быть только вице-канцлером. С гневом отверг предложение. Его партия осталась в оппозиции. Новый парламент оказался неработоспособен — нацисты и коммунисты иногда голосовали вместе и все проваливали. Тогда рейхспрезидент Гинденбург решил досрочно назначить новые выборы. Но на новую избирательную компанию у Гитлера не оказалось денег. Вероятно, промышленникам не понравилось его единство с коммунистами. Партийной администрации нечем стало платить. Ряды штурмовиков редели. Из партии выходили. На перевыборах было потеряно 2 млн. голосов.

На неудачу Гитлер реагировал еще истерически: «Если партия развалится, я пушу себе пулю в лоб» — заявил он. Но затем исчез и

скрывал, где находится. Сразу стало расти влияние коммунистов и промышленники снова дали денег. Гитлер вступил в союз с их лидером — фон Папеном. Гитлера сделали рейхсканцлером, но большинство министерских постов осталось в руках сторонников Папена. В августе 1934 г. умер престарелый рейхспрезидент Гинденбург. Гитлер объявил об объединении постов рейхспрезидента, рейхсканцлера и фюрера в одном его лице. Но решению этому придавал внешне законную силу: был проведен плебисцит, т. е. всенародное голосование, и 85% проголосовало «за» (но тогда уже не голосовали те, кто был в концлагере, в эмиграции или в подполье). Теперь вся власть была в его руках.

Полнота власти служит самым сильным толчком для паранойяльного развития. Чем больше власти, тем больше величия. Гитлер увлекся исполинскими проектами: построить стадион в Нюрнберге на 400 тыс. мест, плац-парад с трибунами на 160 тыс. мест. На родине в Линце хотел создать «величайший музей мира» — во время войны туда стали свозить все трофеи в виде предметов искусств. Если в 1930 г. Гитлер заявил: «Я никогда не ошибаюсь! Любые мои слова принадлежат истории!», то после 1934 г. появилась уверенность в своей «высшей избранности, что побуждало его то и дело апеллировать к Провидению». Апеллировать к богу Гитлеру было явно невыгодно. Абстрактное Провидение, Судьба более соответствовали его запросам, чем персонифицированный Христос, к тому же еще и еврей. Христианство он поносил вместе с еврейством и марксизмом. Правда, с Папой Римским он заключил выгодный для него конкордат — соглашение позволяло католическим священникам служить в Германии при условии не вмешиваться в политическую жизнь. Это устраняло оппозицию верующих, но церковь была отделена от государства (как в СССР). В гитлеровском рейхстаге не было ни одного священника (как во всех советах в СССР до Горбачева).

Гитлер терпимо, хотя, по-видимому, и насмешливо относился к идее Генриха Гиммлера возродить культ древнегерманских языческих богов. Гитлеру они были не очень нужны, хотя и не мешали, как свидетели древнего величия нации. Гиммлер же был мистиком, верил в вечность и переселение душ. Убедил себя, что в него самого вселилась душа средневекового германского короля Генриха Первого Птицелова, начавшего завоевания славянских земель. Ежегодно он совершал

паломничество к его могиле в Кветлинбурге. Якобы он читал древнегерманские руны, открывая их тайный смысл.

Гитлер сам уверовал в свою сверхчеловеческую силу. «На меня, возложена историческая миссия... меня избрало на этот путь Провидение!» — сказал в 1938 г. Гитлер австрийскому канцлеру Шушнигу, требуя от него приказа австрийским войскам не сопротивляться при вторжении войск немецких. Шушниг не сопротивлялся, подал в отставку, потом его прикончили. Австрию оккупировали за одну ночь. Австрийские немцы в большинстве сочувственно приняли аншлюс — присоединение к Германии. После большой Австро-венгерской империи до Первой мировой войны они чувствовали себя «государственным обрубком». Гитлер провозгласил в Вене: «Один народ — одно государство — один фюрер». Опять же для придания законности был плебисцит и 99% австрийцев проголосовало за присоединение к Германии. До этого Сталин в СССР провел первые в истории советского государства выборы Верховного Совета с тайным всеобщим голосованием и 99% проголосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных — других кандидатов не было. Отстать в процентах от большевиков было нельзя.

После того, как в 1939 г. за две недели была разгромлена польская армия, Гитлер уверовал в свой полководческий гений. Он захотел вторгаться во Францию еще в ноябре 1939 г., но воспротивились генералы — армия не была готова к этому. Тогда Гитлер решил оккупировать Данию и Норвегию. Генштаб снова воспротивился, и Гитлер создал «особый штаб», помимо генерального. Разработанный там план был крайне рискованным, но молниеносный удар удался. Лишь на самом севере Норвегии у порта Нарвик стремительное продвижение немецких войск было задержано. Гитлер уже не верил генералам и все решал сам. 10 мая 1940 г. германские войска неожиданно вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург и быстро разбили их армии. Главную стратегическую идею вторжения во Францию Гитлеру подсказал Манштейн — не прорывать укрепленную линию Мажино, а наступать через трудно проходимые холмистые и лесистые Арденны — это было неожиданностью для Франции. Но надо сказать, что были новые идеи, непосредственно исходящие от самого Гитлера: создавать крупные танковые соединения, которые бы рвались далеко вперед, не дожидаясь пехоты; забрасывать в глубокий тыл небольшие группы

парашютистов, чтобы рвать связь и коммуникации; снабдить бомбы, бросаемые с самолетов воющими сиренами. Гитлер сам тщательно изучал военную литературу, особенно справочники, и, обладая хорошей памятью, поражал генералов знанием калибров, тоннажей и т. п.

За месяц с небольшим Франция была поставлена на колени, хотя исходные силы были почти равны. Победа дала Гитлеру не знавшую удержку самоуверенность: «Я незаменим... Я убежден в силе своего разума и решимости» — заявил он. Гитлер сам себя объявил верховным главнокомандующим. Послушный Кейтель назвал его «величайшим полководцем всех времен».

Отмена последующего вторжения в Англию была последним актом, когда Гитлер проявил осмотрительность и осторожность. Английский флот был сильнее немецкого. Даже удачный десант повлек бы за собой вступление в войну США (чего Гитлер не хотел), английское правительство перебралось бы в Канаду и непримиримый Черчилль продолжал бы борьбу. Гитлер мечтал о сепаратном мире с Англией, чтобы ринуться на Советский Союз и осуществить свою сверхценную идею о «жизненном пространстве».

Паранойяльная акцентуация или паранойяльная психопатия? Если в отношении истерического компонента характера у Гитлера, как было показано, с юных лет было соответствие диагностическим критериям психопатии, то паранойяльное развитие, как это нередко бывает, прошло этапы акцентуации, психопатии и достигло паранойяльного психоза.

Паранойяльную акцентуацию отличает от психопатии того же типа три признака.

Во-первых, умение приспособливаться к условиям и ситуации, извлекать для себя выгоду из них, например, находя бюрократические лазейки, используя противоречия в законах и правилах.

Во-вторых, способность, когда требуется прятать свое «паранойяльное жало», прикидываться послушным и стоворчивым, демонстрировать свое доверие, на деле мнимое, и показную доброжелательность. В-третьих, ловкость манипулирования людьми, искусное натравливание одних на других, чутко выискивая недовольство друг-другом, зависть, соперничество и тем приобретая

себе зависимых сторонников и приверженцев, которых, если надо, беспардонно и даже незаметно для них эксплуатируют к своей выгоде.

Первый признак — умение приспосабливаться к ситуации — виден был еще в том, как Гитлер использовал недовольство бывших фронтовиков, оставшихся не у дел после «позорного мира». Затем после провалившегося с их помощью поднятого «пивного путча», он объявляет о смене курса — об отказе от «второй революции» и завоевывании власти путем победы на выборах — этим он получает крупные субсидии от промышленников на создание своей партии. Демонстрируя лояльное отношение к баварскому правительству после тюрьмы, Гитлер получает разрешение и на возрождение партии, и на возобновление издания «Фелькишер Беобахтер», и снова выступать на митингах, что было ему запрещено. Он сближается с Гугенбергом — главой немецкой национальной партии — органа германских промышленников и через него от них, особенно от Тиссена, получает регулярные крупные денежные ассигнования. Промышленники нуждались в «рабочей» и партии, которая служила бы противовесом коммунистам и социалистам, отрицала классовую борьбу, звала к единству нации.

Гитлер также вовремя почувствовал, что промышленные тузы мечтают о государстве «силы и порядка», что демократия им мешает. Выступая в клубе промышленников в Дюссельдорфе он заявил: «Армия может существовать только при сохранении абсолютно антидемократического принципа авторитета верхов и полного подчинения им низов... В государстве, где вся политическая жизнь... построена на идее демократии, армия... неизбежно... становится чужеродным телом».

В 1929 г. Гитлер особенно старается привлечь на свою сторону молодежь (во время кризиса среди нее было больше всего безработных и недовольных — растет Гитлерюгенд), а перед очередными выборами — аполитичные массы, разочаровавшиеся и в правительстве и в социал-демократах, и в коммунистах — и добивается ощутимого успеха.

Наконец, когда Гитлера в 1933 г. делают рейхсканцлером, он сразу начинает с подготовки новых выборов. В его руках теперь и деньги, и власть. По предложению Геббельса стал широко использовать для

выступлений радиопередачи: клеймил разруху, голод, безработицу, пугал коммунизмом, во всем винил евреев и марксистов. Объявил о двух 4-летних планах восстановления экономики (опять научился у пятилеток в СССР). От рейхстага добился права запрещать партии и закрывать газеты. Но коммунистическую партию до новых выборов не запрещал. Хотел спровоцировать ее на революцию. Не удалось. Помог случай. 27 февраля 1933 г. психически ненормальный Ван Люббе поджег рейхстаг. Той же ночью в Берлине было арестовано 4 тыс. коммунистов и социал-демократов. Обе эти партии были запрещены. Штурмовики по всей Германии начали грабить и убивать евреев, коммунистов и социал-демократов. Гитлер ввел чрезвычайное положение — вся власть перешла к нему. Он издавал законы, мог менять конституцию и т. д. Все чиновники должны были ему подчиниться — иначе бы лишились своих постов. Профсоюзы были также подавлены, но 1 мая объявлено всенародным праздником (как в СССР).

Перепуганная интеллигенция стала рассыпаться в заверениях верности Гитлеру. Даже знаменитый Гауптман выступил со статьей «Я говорю «Да!»». А с непослушными быстро расправлялись. Знаменитых лишали гражданства и вынуждали уезжать за границу (опять Гитлер научился у СССР) — Альберта Эйнштейна, Лиона Фейхтвангера, Томаса и Генриха Маннов и др.

Изрядное умение Гитлер проявил в том, как он быстро управился с безработицей. Развертывалось строительство автобанов, росла военная промышленность, была введена всеобщая воинская повинность — к 1936 г. уже была полная занятость. Деньги для всего этого Гитлер получил с помощью Ялмара Шахта, которого сделал президентом Рейхсбанка. Тот выпустил массу МЕФО-векселей — аналога внутреннего займа, которые так и не были никогда погашены (опять научился у большевиков).

В марте 1934 г. Гитлер провел новые выборы и получил 44% голосов. Объявили об «историческом успехе». Пропаганда делала из Гитлера «народного канцлера». Покончив с коммунистами, принялись за евреев. Чиновников, педагогов, врачей увольняли и запрещали работать. У еврейских магазинов стояли гестаповцы и покупатели боялись туда идти. Началась массовая эмиграция богатых евреев — они бросали все имущество и еще платили за выезд. А прочих послали в

концлагеря. Гитлер опять же умело использовал антисемитские настроения.

На дипломатическом фронте Гитлер как канцлер искусно извлекал выгоду из противоречий между Англией и Францией и из страха обеих перед «коммунистической заразой» из Советского Союза. Ему сошло с рук и возобновление всеобщей воинской повинности, и введение войск в демилитаризованную Рейнскую область, и создание боевой авиации — все, что было запрещено Версальским договором. Тогда последовало присоединение Австрии.

Гитлер также учел крайнее нежелание Англии и Франции воевать, хотя у него было еще только 12 дивизий, а против него объединенный фронт мог выставить около 100. Он захотел присоединить от Чехословакии ее север — Судетскую область, населенную немцами, но где чехи построили укрепления для защиты от Германии. Последовала встреча в Мюнхене с премьерами Англии и Франции — Чемберленом и Даладье и в 1938 г. Гитлер получил Судеты — теперь путь в Чехословакию был открыт.

Примеры можно было бы продолжить. И только к концу 1940 г. после победы над Францией, Гитлер, уверившись в своей непогрешимости, утратил способность ловко приспособливаться к ситуации.

Второе отличие паранойяльной акцентуации от подобной же психопатии — умение, когда требуется, «прятать свое паранойяльное жало», прикидываться откровенным, послушным и сговорчивым.

В 1936 г., когда в Германии проводились Олимпийские игры и надо было показать успехи «великой нации» в спорте (Германия тогда действительно вышла на первое место по числу завоеванных наград), Гитлер — ярый антисемит — временно прекращает всякое преследование евреев и антиеврейскую пропаганду. Каким послушным и сговорчивым предстал он перед опытными дипломатами — Чемберленом и Даладье в 1938 г. в Мюнхене. Ему, мол, нужны только Судеты, населенные немцами, которые мечтают воссоединиться с фатерляндом. Ему поверили. Чемберлен, вернувшись в Лондон, громко и ясно объявил: «Я привез вам мир!». Через год разразилась Вторая мировая война.

Ненавистник коммунистов, как охотно пошел Гитлер на договор о ненападении, а затем и на «договор о дружбе» с СССР. Отдал Сталину часть Польши и балтийские государства, позволил отторгнуть от

Румынии Бессарабию и Северную Буковину. В Варшаве устроил совместный парад германских и советских войск. Сталин, как и Чемберлен, поверил Гитлеру. Став «величайшим полководцем всех времен» после победы над Францией, Гитлер уже был неспособен прятать свое «паранойяльное жало».

Третье отличие акцентуации от психопатии паранойяльного типа — искусное манипулирование людьми, натравливание одних на Других, приобретение зависимых сторонников и приспешников.

Когда организации партии, создаваемой Гитлером после 1924 г., стали появляться по всей стране, возникли новые соперники по руководству. На севере выдвинулись Штрассер и Геббельс. Первый стоял за союз с коммунистами и Москвой. Гитлер созвал гауляйтеров (выборных тогда руководителей партийных округов — гау) и их руками низложил и программу, и авторитет Штрассера, а Геббельс переметнулся на его сторону. Гитлер не терпел никаких программных разногласий в своей партии — это мол «путает» народ, но всегда подогревал личные конфликты в своей свите, натравливая одного приспешника на другого.

В 1934 г. руками Геринга, Гимmlера (с его гестапо) и Гесса он расправился со своим единственным соперником — Ремом с его тремя с половиной миллионами штурмовиков. Тот все еще мечтал о «второй революции». Гимmlер сфабриковал дело о готовящемся путче штурмовиков. Когда Рем уехал отдыхать на курорт, в ночь на 30 июня 1934 г. в спальни всех высших начальников штурмовиков ворвались гестаповцы и эсэсовцы (недавно созданные Гитлером отряды из его личной охраны). Расстреливали без суда. В спальню Рема влетел сам Гитлер с плеткой в руках. Рему дали револьвер и предложили покончить с собой. Он отказался. На другой день его расстреляли. Якобы Гитлер хотел сохранить жизнь своему бывшему другу, но Гесс, ненавидевший Рема, уговорил в необходимости смертной казни. Выступая в рейхстаге. Гитлер сказал: «Я несу ответственность за судьбу немецкой нации... Я приказал расстрелять главных виновников». Таким образом, он присвоил себе роль единственного верховного судьи. Пропаганда Геббельса, также ненавидевшего Рема, объявила, что штурмовики готовили «красную революцию». Рема посмертно обвинили не только в заговоре, но и в коррупции, и в гомосексуализме (почти в то же время гомосексуальные сношения между мужчинами

были объявлены уголовным преступлением и в СССР). Отряды штурмовиков были распущены, а конфискованного у них оружия хватило бы на 10 дивизий. Штурмовики не сопротивлялись — рейхсвер готов был поддержать Гитлера — военным было крайне неприятно, что число вооруженных штурмовиков превышало численность армии.

А затем понадобился противовес и Герингу, и Гиммлеру. В 1941 г. непригодный для этого Гесс улетел в Англию, а на его месте появился Мартин Борман. Тот стал таким личным секретарем Гитлера, что без его ведома никто к Гитлеру попасть не мог. Вскоре Гитлер сделал его «заместителем по партии».

Будучи рейхсканцлером, Гитлер стал создавать множество ведомств и постов, конкурирующих друг с другом, но все решал он сам и борьба пошла за его благосклонность. Неудобных и строптивых он быстро изгонял. Во главе рейхсвера сперва стоял непослушный Бломберг. Когда он второй раз женился, гестапо быстро выяснило, что его вторая жена когда-то вела предосудительный образ жизни — Бломбергу пришлось уйти в отставку. Гитлер сам себя сделал главнокомандующим, а в помощь взял покладистого Кейтеля. Командующего сухопутными силами Фрика с помощью гестаповского лжесвидетеля обвинили в гомосексуализме. На его месте появился послушный Браухич.

Опять же где-то с конца 1940 г. способность манипулировать людьми поблекла. Гитлер уже не столько натравливал одного на другого, сколько обрушивал свой гнев на тех, кем был недоволен. За время войны с СССР он поснимал с высших военных постов и отправил в отставку 11 из 18 фельдмаршалов.

Формирование паранойяльной психопатии. Критериями для отличия психопатии от акцентуации того же типа служат известные признаки П. Б. Ганнушкина — О. В. Кербикова, общие для всех типов психопатий: тотальность проявлений черт характера, его относительная стабильность и социальная дезадаптация как его следствие.

С конца 1940 г. непомерная оценка своей персоны у Гитлера стала выступать открыто везде и всегда. Тотальность проявлений паранойяльного характера и его относительная стабильность (отсутствие четких и продолжительных компенсаций) видны из следующих примеров.

В декабре 1940 г. с визитом в Берлин приехал В. Молотов. Пржнее умение Гитлера лавировать на переговорах сменилось «мессианским самомнением». Гитлер подталкивал СССР к походу на Индию, в надежде, что Англия — тогда владелица Индии — помирится с Германией. Но интереса у Молотова этот план не вызвал — переговоры окончились ничем. И Гитлер решился воевать на два фронта.

Идеи собственного величия достигли такой степени, когда смелость в принятии решений превратилась в абсурдную самонадеянность, энергия — в бессмысленное упрямство, а дерзость в действиях — в азарт игрока. Гитлер думал, что за 3 недели его войска займут Петербург, а затем и Москву. Он не допускал и мысли, что начатая в июне война может затянуться на зиму. «Дух уверенности, что все принимаемые им решения одобрены и узаконены Провидением» окончательно вселился в него. Он не учел огромных пространств СССР и растянутость коммуникаций. В октябре 1941 г. дожди, распутица и дурные дороги сковали движение моторизованных частей и сорвали наступление на Москву. В ноябре грянули морозы. Армия не имела зимнего обмундирования, а машины и автоматы отказывали на Морозе. Потери от холодов превысили потери от боев. Яростное сопротивление советских войск сорвало наступление на Москву. Но Гитлер не разрешил тактического отступления, на котором настаивал Браухич. Под Москвой было потеряно более 1 млн. солдат и офицеров, поражение Гитлер опять ответил «удвоением ставки»: 11 декабря после нападения Японии на американский флот Гитлер объявил войну этой заокеанской державе, вступления которой в войну он так опасался еще год назад.

Когда в 1942 г. его войска под Сталинградом оказались в «котле», Гитлер не пошел ни на какие уступки — ни на выравнивание фронта, ни на переброску войск из Африки, не разрешил Паулюсу ни вывести армию из «котла», когда это еще было возможно, ни капитулировать при безнадежном положении. «Держаться до последнего... пока весь мир не распознает международное еврейство во всей его опасности» — был его приказ. В итоге только в плен попало 90 тыс.

После Курской битвы у Гитлера с каждым новым поражением парадоксально росла вера в себя. И. Фест сообщает, что после Сталинграда из СССР через Стокгольм давали понять о возможности сепаратного мира при условии границ 1941 года. Гитлер отверг эти

намеки: «Воевать до победы или смерти!». 24 февраля 1945 г., когда крах был очевиден и неминуем, Гитлер выступил по радио с пророчеством, что с помощью «секретного оружия» Германия в этом же году одержит полную победу.

Все, что случалось затем, истолковывалось Гитлером уже явно бредовым образом как благоприятные для него знаки Провидения. Он остался невредим при покушении на него летом 1944 г., когда в летнем павильоне ставки, где он заседал с генералами, взорвалась подложенная бомба. Портфель с нею лежал у его ног, но за минуту до взрыва он перешел на другой конец павильона посмотреть карту. Между ним и бомбой оказалась массивная тумба и тяжелая крышка стола. Взрыв сорвал крышу и вышибил окна летнего павильона. Были убитые и тяжело раненые. Но Гитлер отделался ожогами и легкой контузией. «Чудесное спасение» еще более утвердило Гитлера в его предназначении Провидением. Даже в апреле 1945 г., сидя в бункере в Берлине, куда подошли советские войска, он воспринял как благоприятный знак Провидения смерть Ф. Рузвельта.

Идеи преследования при паранойальном развитии идут рука об руку с идеями величия, хотя обычно проявляются несколько позднее.

Высказывалось предположение, что приказ Гитлера об уничтожении психически больных, оправдываемый «оздоровлением» нации и расы, имел и другую подоплеку — Гитлер боялся покушения со стороны какого-нибудь «идиота». Поэтому психопаты подпали под категорию «безнадежных» и подлежащих уничтожению.

Когда начались поражения на советском фронте, его подозрительность росла не по дням, а по часам. Подаваемые ему сводки он перепроверял у нижестоящих штабов. Не доверял специалистам. Долго не обращал внимания на возможность создания ракет, радаров, атомного оружия. Повторял, что его только и делают, что обманывают. Стал строго секретить свои поездки и распорядок дня даже от Геринга и Гимmlера. И даже в ставке носил тяжелую бронированную фуражку. Не поверил абверу (военной разведке), когда ему сообщили о точном сроке открытия второго фронта — высадке союзников в Нормандии. Не позволил принимать никаких превентивных мер (как Сталин в 1941 г.).

Пожалуй, подобные действия параноика, стоящего у власти, равноценны социальной дезадаптации как признака сформировавшейся психопатии: окружение теряет возможность к нему приспособиться.

Паранойяльный психоз и болезнь последних лет. Важнейшим диагностическим признаком при паранойяльном психозе является превращение сверхценных идей в бредовые. Но разделение их нередко наталкивается на определенные трудности.

Бредовые идеи принято определять как ложное убеждение, основанное на неверном заключении о действительности и твердо удерживаемые, несмотря на очевидные доказательства противоположного. Важная добавка к этому была сделана американской психиатрией: эти убеждения не принимаются той субкультурой, к которой принадлежит пациент. Без этого уточнения многие верования или фанатичная приверженность к некоторым политическим течениям могут подпасть под определения бреда.

Нами были описаны три признака превращения сверхценных идей в бредовые.

Во-первых, среди ближайшего окружения, даже среди верноподданных клеветов, появляются сомнения в душевном здоровье своего лидера, суждения о болезненности его идей.

Во-вторых, когда сверхценная идея превращается в бредовую, утрачивается способность учитывать ситуацию, эксплуатировать к своей выгоде законы, порядки, мораль — своими действиями начинают наносить ощутимый и очевидный для других вред самому себе.

В-третьих, когда сверхценные идеи превращаются в бредовые, они начинают обрастать другими видами бреда: например, идеи преследования — бредом отравления, идеи величия — бредом высокого происхождения и т. п.

Примером последнего у Гитлера может быть следующий факт. Когда союзники открыли второй фронт в Нормандии, Гитлер прибыл в ставку своих войск во Франции. Сев обедать вместе с командующими Роммелем и Рундштедтом, он начал есть только после того, как те сами отведали приготовленную пищу. После покушения в 1944 г. Гитлер

почти не покидает ставки, опасаясь не только повторных покушений, но и инфекций(!).

По сути дела нанесение себе самому вреда началось еще с конца 1941 г. — непрерывными запретами необходимых тактических отступлений — Гитлер не разрешает вовремя отойти от Москвы, не позволяет Паулюсу вывести войска из котла, когда это было еще возможно — в конце-концов он своими руками обрекает на разгром собственную мощнейшую армию.

Возможно, что с бредом преследования оказалась связанной жестокая расправа с действительными и мнимыми врагами. Хотелось всех устрасить. Участников заговора 1944 г. вешали. При этом по приказу Гитлера их душили медленно, раздев догола, казнь снимали на киноплёнку и показывали Гитлеру, которому доставляло удовольствие глядеть на голое корчащееся в судорогах тело. Уничтожали всю семью заговорщиков. У Штауффенберга, который подложил бомбу, убили всех родственников — от 3-летнего младенца до 85-летнего старца. Трупы казнённых запрещалось хоронить — их отдавали для занятий студентам-медикам. «Я часто горько сожалею, что не подверг мой офицерский корпус чистке, как это сделал Сталин», — сказал Гитлер, намекая на 1937 г. в СССР, когда было репрессировано 40 тыс. командиров.

Когда и с востока, и с запада союзники вступили в Германию, Гитлера охватила «мания разрушения». Тактику выжженной земли при отступлении из оккупированных стран он захотел распространить на Германию: при отступлении все должно было уничтожаться" от шахт до банковских архивов. «Если война проиграна, пусть гибнет весь народ!» — заявил Гитлер. Эта тактика вызвала, прежде всего, ненависть у промышленников, до этого поддерживавших Гитлера.

Сомнения в психическом здоровье Гитлера у Гимmlера появились еще в 1942 г. Бывший личный врач голландской королевской семьи Феликс Керстен с 1940 г. стал личным врачом Гимmlера. Владея приемами китайской медицины, какими-то методами массажа (вероятно, тогда малоизвестного точечного), он снимал приступы тяжких головных болей у Гимmlера. Тот неотлучно держал его при себе, считал, что без Керстена он бы давно умер. 12 декабря 1942 г. Гимmlер показал Керстену секретный рапорт о болезни Гитлера. По словам Керстена, когда Гитлер в 1918 г. лежал в госпитале, отравленный

газами и ослепший, описанные симптомы болезни явно походили на сифилис. В 1937 г. был рецидив той же болезни. В 1942 г. появились признаки того, что Гитлер страдает прогрессирующим параличом, т. е. одной из форм сифилитического поражения головного мозга. Не было только двух симптомов (кстати, ранних и диагностически важных) — нарушений зрачковых реакций и нарушения речи. Керстен сказал Гиммлеру, что лечить Гитлера он не может, так как его специальность — терапия, а не психиатрия. И узнал, что Гитлера уже лечит уколами доктор Морель — модный в Берлине специалист по кожным и венерическим болезням. Гиммлер сказал, что поместить Гитлера в психиатрическую клинику невозможно, так как об этом быстро бы узнали иностранные разведки, а без Гитлера Германия не может выиграть войну. Впоследствии Керстен обратился к личному врачу Гитлера — Карлу Брандту, группенфюреру СС (чин, равный генеральскому). Тот побледнел от страха, узнав, что Гиммлер посвятил Керстена в «самую сокровенную тайну». Кроме Гиммлера, Мореля и Брандта ее знал еще Борман и, возможно, Геринг. Но в 1944 г. сведения о том, что Гитлер болел сифилисом, стали известны заговорщикам, готовившим покушение. После гибели Гитлера известный хирург Зауэрбах — участник заговора — должен был выступить по радио и сообщить всей стране, что Гитлер был сифилитиком.

Через несколько недель Гиммлер снова обратился за советом к Керстену, как лечить Гитлера. Тот справедливо посоветовал привить малярию — единственный относительно эффективный способ лечения прогрессирующего паралича до того, как в 1944 г. появился пенициллин. Был ли выполнен этот совет, Керстену неизвестно. Керстен не был психиатром, а идеи величия, которые, скорее всего, натолкнули его на мысль о прогрессирующем параличе, встречаются не только при этом психическом заболевании. Они могут быть, в частности, и следствием паранойяльного развития.

Однако в течение 1942—1945 гг. у Гитлера постепенно прогрессировало какое-то тяжелое органическое поражение головного мозга. Для паранойяльного развития оно не свойственно, но и в типичную картину прогрессирующего паралича оно не вполне укладывается. Хотя нельзя не учитывать, что леченный малярией прогрессирующий паралич может протекать атипично. Наиболее частым эффектом от лечения малярией была «ремиссия с дефектом». Вместо полного маразма и

смерти за 1—3 года без лечения, оставался выраженный психоорганический синдром и неврологические расстройства. В 1942 г. Гитлера описывают как быстро постаревшего, подволакивающего ногу при ходьбе с одутловатым лицом и отрешенным взглядом и с мышечным тремором в левой руке. Он то подолгу сидел молча, погруженный в себя, то часами разглагольствовал, особенно по ночам, на разные темы. Не отпуская от себя генералов, он ночью напролет мог говорить им о планах устройства Великой Германской империи, об искусстве, об архитектуре, об истории, о каннибализме в блокированном Ленинграде. Его охватывала «мания планирования»: онемечивания Европы (для этого каждый немец-мужчина должен иметь по две жены, а каждая женщина по четверо детей), переселения народов, порабощения славян, полного уничтожения всех евреев, а также всеобщего вегетарианства и запрета курения. Генералы мужественно боролись с обуревавшим их сном. Стала явной «редукция интеллектуального потенциала» — Гитлер жил воспоминаниями. При противоречии или неприятной информации обзывал докладывавших ему лжецами, трусами, идиотами и впадал в состояния неудержимой ярости. Морель лечил его множеством лекарств: сульфаниламидами, какими-то гормонами, стимуляторами — например, стрихнином, простакрином (вытяжкой из семенных пузырьков и предстательной железы) и, видимо, давал какие-то наркотики, потому что время от времени Гитлер впадал в состояние эйфории. Он получал от Мореля одновременно до 28 лекарств.

Далее Гитлер совершенно одряхлел, глаза стали выпученными. Он не мог читать даже в очках обычного машинописного шрифта и ему печатали на специальных пишущих машинках, где буквы были втрое больше обычных (не было ли все же зрачковых расстройств?). Лицо стало маскообразным.

Больные с психоорганическим синдромом и с леченным малярией прогрессирующим параличом крайне чувствительны к алкоголю и к черепно-мозговым травмам. Гитлер алкоголя не употреблял, но в 1944 г. во время покушения на него получил контузию. После этого его болезнь стала быстро прогрессировать. Он уже еле ходил. Стоять мог только, если за что-то держался. Стал невероятно прожорлив: особенно его тянуло на сладкое и жирное. Съедал по 2 — 3 тарелки,

полные пирожных. В сентябре 1944 г. он перенес желтуху, довольно быстро излеченную (не токсический ли гепатит от лечения сифилиса препаратами мышьяка?). У него ослабла память: он бросал в бой давно уничтоженные и не существующие дивизии. Голос его охрип, руки тряслись, левую руку сводила судорога. Он стал неопрятен — китель заляпан едой, на губах присохшие крошки пирожных. Из рта текла слюна. Временами он покрывался потом.

У него появился беззастенчивый цинизм. Раз собрав секретарш и машинисток, он заявил им, что помада на их губах сделана из нечистот, почерпнутых в канализации в Париже.

Когда верный ему личный врач — эсэсовец Брандт решил устранить от Гитлера Мореля с его неведомыми лекарствами, Гитлер расстрелял Брандта. Мания преследования сменилась манией всеобщего уничтожения — тактикой выжженной земли даже на территории Германии. Офицер, который не видел Гитлера с октября 1944 г. по февраль 1945 г., был поражен резким ухудшением его состояния.

Большинство из описанных симптомов вполне укладывается в картину леченного малярией прогрессивного паралича: нарушение критической оценки всего происходящего вокруг и своего состояния, утрата чувства стыда, неловкость движений и тремор конечностей, шаткость походки, маскообразное лицо, слюнотечение, ослабление памяти и взрывы ярости. Морель, выбранный в качестве лечащего врача, говорит, скорее всего, о сифилитической природе поражения мозга. На перенесенный сифилис косвенно указывают и рассуждения об этой болезни в первом издании «Майн Кампф». И не потому ли Гитлер считал оскорбительным интерес к его прошлой личной жизни?

Высказывалось мнение, что у Гитлера была болезнь Паркинсона или какой-то энцефалит, последствием которого стал паркинсоноподобный синдром, но психические нарушения этому не соответствуют, да и сам прогрессивный паралич по сути дела является хроническим сифилитическим энцефалитом.

В итоге диагноз леченного малярией прогрессивного паралича является наиболее вероятным.

Существует ли связь между паранойальностью и гомосексуализмом?

Первым на подобную связь указал З. Фрейд. Но эта его идея не нашла широкого признания даже в среде психоаналитиков. В наших статьях о паранойальном развитии у исторических личностей у двух из трех были отмечены явные гомосексуальные склонности. Только Сталин не оставил никаких подозрений в этом отношении. Иван Грозный сожительствовал с Федором Басмановым и, возможно, с молодым Рзярином Вельским. Но и Иван Грозный, и Гитлер были бисексуалами — гетеро- и гомосексуальные контакты и сочетались, и чередовались. Иван Грозный сменил 7 «законных» жен (православная церковь допускала венчание не более 3 раз) и около 50 наложниц.

О гомосексуальных склонностях Гитлера писалось неоднократно. В молодости среди фронтовых товарищей Гитлер слыл «женоненавистником», видимо потому, что по борделям он не ходил. Известно, что Гесс был влюблен в Гитлера, боготворил его. Когда он видел Гитлера или в компании речь заходила о нем, лицо Гесса покрывалось румянцем и глаза блестели. Не случайно в партийной верхушке он заработал прозвище «фрейлин Гесс». Существовало подозрение, что между Гитлером и Гессом была гомосексуальная связь. Гесс был некрасив лицом, но атлетического телосложения, что нередко привлекает гомосексуалов. Истероидные мужчины, подобно Гитлеру, обычно отличаются невысокой сексуальной потенцией, зато обожают флирт и романтическую влюбленность. Во всяком случае, Гесс в то время был весьма полезен Гитлеру как восторженный поклонник, привлекавший молодежь. Гесса он сделал своим личным секретарем, а в последствии, придя к власти, своим заместителем по партии. Более верного и преданного заместителя трудно было сыскать. Гитлер чувствовал, что Гесс никогда бы его не предал. Став канцлером, Гитлер жестоко смывает свой прежний «гомосексуальный позор». Двое известных его сексуальных партнеров были убиты во время расправы с Ремом. Это был Эрнст — младший служащий («мальчик») в берлинском баре, где собирались гомосексуалисты. Тот рассказал о своей связи с Гитлером некоему «телепату-гипнотизеру» (и агенту начальника берлинской полиции). Эрнст же показал на другого партнера Гитлера — Гейнеса. Гесс не пострадал. Если у него и была связь с Гитлером, то это был не просто сексуальный партнер, а влюбленный в Гитлера молодой чело-

век. Но Гессу было приказано немедленно жениться на старухе-миллионерше, что тот беспрекословно выполнил.

В мае 1941 г., незадолго до нападения фашистской Германии на СССР, Гесс на спортивном самолете в одиночку перелетел из Германии в Англию. Долгое время считалось, что он был послан Гитлером к Черчиллю, чтобы перед нападением на СССР заключить мир с Англией и избежать войны на два фронта. Если так, то миссия его провалилась. Гесс был интернирован и после войны предстал на Нюрнбергском процессе — был приговорен к пожизненному заключению. Просидел более 30 лет в берлинской тюрьме «Шпандау» и глубоким стариком погиб во время одиночной прогулки в тюремном двореке при странных обстоятельствах: то ли это было самоубийство, то ли несчастный случай, то ли убийство.

Когда миссия Гесса провалилась, Гитлер объявил, что Гесс полетел по своей личной инициативе и в беседах даже называл его сумасшедшим. Сейчас самовольность поступка Гесса даже считается общепризнанной. Но раболепный поклонник вряд ли был способен на подобный шаг, не получив хотя бы позволяющего намека от своего господина. Неужели Гессу удалось укрыться от всевидящего ока гестапо? Гитлеру же Гесс был больше не нужен. Ему понадобилась личность, способная противостоять Герингу и Гиммлеру. Заместителем по партии и личным секретарем становится Борман. Исчезновение Гесса могло быть Гитлеру даже приятно тем, что ушло последнее живое напоминание о его юных гомосексуальных грехах.

Уже после 35 лет Гитлер страстно влюбился в свою 16-летнюю племянницу — дочь своей овдовевшей сестры — Ангелу Раубаль (Гели). Снял для нее сельский домик в Бертехсгадене, а затем жил с нею в 9-комнатной квартире в Мюнхене. Вместе их видели в театрах, в увеселительных местах. Но в начале 30-х годов Гели покончила с собой. Впрочем, был слух, что ее труп был найден на полу спальни со сломанной переносицей, что она забеременела от еврея — своего учителя рисования, что она хотела на несколько месяцев уехать в Вену, а Гитлер не разрешил. Прошел также слух, что причиной трагедии было то, что Гитлер понуждал ее к извращенным способам полового контакта. Гитлер был испуган. Сам грозил покончить с собой, но дал себя отговорить. Зато впоследствии запретил упоминать ее имя. После

Гели у Гитлера были другие женщины, например, сестра его шофера, но вскоре и навсегда упрочилась Ева Браун.

Вероятно, гомосексуализм у Гитлера по мере паранойяльного развития сменился гетеросексуализмом, хотя и в 30-х годах его часто сопровождали «юные эфебы с мелкими кудряшками на голове и манерными жестами».

Иван Грозный также жестоко разделался со своим любовником Федором Басмановым — того обвинили в колдовстве и Малюта Скуратов на глазах царя зарубил его.

Возможно, что гомосексуальные склонности при бисексуализме у параноиков становятся со временем скрытым комплексом их неполноценности, причиной «деструктивного страха».

Следовательно, связь если и существует, то не между гомосексуализмом и паранойяльностью, а между последней и скрытым комплексом собственной сексуальной неполноценности. Таким комплексом может оказаться только один из видов гомосексуализма - подавляемый, скрытый, «дистонический» (DSM-III, 1980). Но им может быть и нечто другое, например, сексуальная непривлекательность. Сталин был маленького роста, с рябым изъеденным оспой лицом и сухоруким — с атрофированной левой рукой, которую старался прятать.

О гипертимном типе акцентуации характера как основе паранойяльного развития

Среди известных исторических личностей не удалось найти ни одного, кто мог бы послужить примером паранойяльного развития на гипертимном фоне. Подавляющее большинство гипертимов совсем не склонны к паранойяльности. По-видимому, паранойяльное развитие у них — довольно редкий вариант, а присущие ему особенности характера не позволяют надолго удержаться на вершинах общественного положения. Подвергать же психиатрическому анализу ныне здравствующих и широко известных своей общественной деятельностью не дозволительно по морально-этическим причинам.

Остается представить обобщенный характерологический портрет.

По мере паранойяльного развития гипертимная радужность настроения превращается в постоянную взвинченность и взбудораженность. Более частыми и бурными становятся аффективные вспышки с гневом, даже яростью, агрессией и утратой контроля за своими высказываниями и действиями. Брань и угрозы могут сыпаться из их уст без учета обстановки. Подобные аффекты провоцируются противодействием и просто несогласием окружающих. Но особенно чувствительными становятся к насмешкам в свой адрес, к уязвлению гордости. На что гипертим сам ответил бы едкой остротой, метким словом или просто пренебрежением, на то при паранойяльном развитии реагируют бурным гневом, бранью, даже побоями. Легко лезут в драку.

Склонность гипертимов к самостоятельности и независимости оборачивается своеволием и самоуправством. Это довольно быстро приводит к разногласиям, ссорам и полному разрыву с теми, кто еще недавно поддерживал паранойяльного гипертима и тянулся в его когорту.

Стремление к лидерству не просто усиливается, а превращается в оголтелый вождизм с понуждением всех к беспрекословному подчинению. Любят выступать вдохновителями массовых действий, но только если эти действия созвучны их сверхценным идеям.

Гипертимная широкая общительность изменяется — утрачивается прежний живой интерес к новым людям. Ее подменяет страсть к постоянному общению с людскими массами, открыто выступая перед ними в роли новоявленного мессии, неся им свои сверхценные идеи.

Неутомимая и брызжущая энергия сохраняется полностью. Это проступает, в частности, в постоянных разъездах и поездках и в непрерывных публичных выступлениях. Но разъезды здесь — это не гипертимная страсть к новизне, смене обстановки, а способ нести свои сверхценные идеи возможно шире и дальше.

Речь не только аффективно насыщена, выразительна, сопровождается живой мимикой и жестами. Речь также богата выражениями и высказываниями, которыми легко бросаются, не учитывая, что они могут вызвать неприязнь и даже негодование у слушателей. Поэтому их ораторство скоро приводит не только к недоразумениям, которые приходится улаживать, но и к конфликтам, и к скандалам, от которых

сами же страдают. Заранее предвидеть отрицательный эффект своих высказываний и действий им очень трудно. Если о гипертимах можно сказать, что они блестящие тактики, но никуда негодные стратеги, то гипертимные параноики утрачивают и тактическое мастерство — легко лезут на рожон.

Если гипертим, увлекшись чем-то, легко просматривает грань между дозволенным и запретным, способен нарушить законы, правила, установленные порядки, то гипертимный параноик просто ими пренебрегает: для него все, что ему мешает, не имеет права на существование. Авантюризм и привлекательность риска не только не исчезают, но даже усиливаются. Они питаются невероятной самоуверенностью, что все сойдет с рук, все получится.

Интерес к новому становится заметно меньшим, чем у гипертимов. Привлекает лишь то новое, которое имеет хоть какое-то отношение к своей сверхценной идее. Остальное может проходить незамеченным, расцениваться как не стоящее внимания.

Главный стержень паранойяльности — повышенное чувство собственного достоинства, особое значение собственной личности. Чрезмерно высокая оценка своих способностей, талантов, умений, своей мудрости и прозорливости — произрастает из гипертимной завышенной оценки своей личности. Но с паранойяльным развитием эта черта становится оголтелой, никак не маскируется, не камуфлируется благовидными предложениями.

Сверхценные идеи при гипертимной паранойяльности имеют свою специфику. Они не развиваются в сложную и стройную систему, как при шизоидной паранойяльности, не отличаются монументальной твердостью, как у эпилептоидных параноиков. Они просты и звучат как лозунги. Энергия тратится не на их развитие, а целиком на превращение их в жизнь. Гипертимные параноики не способны слушать возражения, а изображение способности к компромиссам напоминает у них базарный торг.

Паранойяльная подозрительность, «сверхбдительность» оборачиваются постоянной готовностью дать отпор, не стесняясь в способах и средствах.

Жизненный путь гипертимных параноиков богат крутыми выражениями. В какие-то моменты они могут неожиданно и стремительно взлетать вверх по социальной лестнице. Двигателем служат их же

сверхценные идеи, которые в данный период оказываются созвучными господствующему настроению. В отличие от истерических параноиков у них такого чутья того общественного настроения, которое еще вызревает вокруг них. Они не творят свои сверхценные идеи из настроения окружения, а само это окружение хватается за их готовые сверхценные идеи.

Но долго на вершинах гипертимные параноики удержаться не способны. Не хватает гибкости и изворотливости. Подводит и несбыточность радужных планов, и неумение подобрать свою команду из покорных и зависимых. Их падения с вершины бывают еще более стремительными, чем взлеты.

К сожалению, нет возможности все сказанное проиллюстрировать наглядными конкретными примерами. За каждым таким примером сразу встанет живая личность, и здравствующая, и активно действующая. Остается уповать на прозорливость читателей.

Александр Керенский и Георгий Гапон — истерики, рвущиеся к власти

Истерические личности издавна считались «слабым типом»: (И. П. Павлов), истерические психопатии относились к «тормозимым» (О. В. Кербинов). Казалось бы, такие люди, вечно занятые тем впечатлением, которое они производят на других, не могут достичь многого. Способности их всегда ниже притязаний. Они пасуют всюду, где нужны духовная зрелость, твердость в достижении цели, глубина и обстоятельность оценки, настойчивость и просто кропотливый труд. Только в исключительных условиях, в грозовой атмосфере социальных кризисов, в моменты сумятицы, неразберихи, тревожных слухов, стихийно вспыхивающих волнений, когда изменчивое настроение толпы становится двигателем бурных манифестаций, — только в такие моменты крикливость может быть принята за энергию, театральная воинственность за решительность, стремление быть у всех на виду — за организаторские способности.

Две личности из русского революционного движения начала, XX века могут послужить сказанному разительным примером: Георгий Гапон в 1905 г. и Александр Федорович Керенский в 1917 г.

Георгий Гапон возник на рабочих окраинах Петербурга как новый мессия, когда положение недавно народившегося русского пролетариата стало невыносимым. Нищета достигла крайности, эксплуатация высот жестокости. У русского мужика, бежавшего из голодной деревни в сытый, как казалось издалека, город, не оказалось никаких надежд. Отчаяние стало всеобщим.

Странное зрелище представляла в один из первых январских вечеров 1905 г. огромная толпа за Нарвской заставой. Хмурая и тревожная окружила она плотным полукольцом необычного оратора. Ветер развеивал его длинные волосы, полы черной рясы, рвал из рук белый лист бумаги. На перевернутой бочке под тусклым светом фонаря священник Гапон читал рабочим составленный им текст петиции

к царю. После каждой фразы он останавливался и переспрашивал: «Нужно ли это нам, товарищи?». И толпа отвечала дружным хором: «Нужно!». С пафосом выкрикивал оратор последние слова петиции: «Государь! Не откажи в помощи Твоему народу! Разрушь стену между Тобой и Твоим народом! Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и Ты сделаешь Россию счастливой. Если нет, тогда мы готовы умереть тут же! У нас только два пути: свобода и счастье или могила!»

Подобные собрания с Гапоном во главе прошли на других окраинах Петербурга. Его популярность стремительно росла. Те, кто с детских лет привык из уст священников слышать призывы к добру, справедливости и смиренным просьбам о лучшей доле, теперь услышали те жалобы и чаяния, которые переполняли их сердца. Царь в их представлении был еще близок к Богу, а в Гапоне они узрели своего «заступника-батюшку». Не случайно демонстранты 9 января взяли с собой иконы, хоругви и портреты царя.

Гапон сам пошел в первом ряду многотысячной толпы. Величественно-театральный, под пение фанатичного хора не только «Спаси, Господи, люди Твоя...», но и «Победы благоверному императору нашему Николаю Александровичу!», он повел свою паству к Зимнему дворцу. Его предупредили, что рабочих ждут войска, что отдан приказ стрелять. «Не посмеют!» — самоуверенно заявил Гапон. Накануне он послал личное письмо Николаю II, где просил царя выйти к народу и от своего имени гарантировать ему безопасность! ¹* Почему же Гапон оказался вдруг столь популярным? Почему ему удалось то, что было еще не под силу профессионалам-революционерам?

Каждое социальное движение берет себе в вожди того, кто по личностным качествам лучше всего соответствует его сокровенным запросам. Мрачному отчаянию и слепой вере нужен спаситель-пророк. Истерическая натура Гапона позволила ему с успехом сыграть эту роль.

Но довел он свою паству лишь до Нарвских ворот и здесь со всеми попал под пули. Ползком среди мертвых и раненых, с чужой помощью добрался он до ближайшей подворотни. «Нет больше Бога! Нет больше царя!» — стал иступленно кричать Гапон и этот клич подхватили другие. Пророку полагается страдать, а почитателям его жалеть, спасать и оберегать. Чтобы укрыть от полиции, Гапона пере-

одевают и на скорую руку остригают. Фанатичная толпа все еще боготворит своего кумира. При пострижении, как при совершении великого таинства, стоят вокруг рабочие с обнаженными головами, благоговейно хватают клочки его волос и со словами «Свято!» прячут их на груди к нательным крестам.

Февральская революция 1917 г. выдвинула в свои вожди фигуру не менее театральную. Александр Федорович Керенский, сын директора гимназии в Симбирске, будучи присяжным поверенным (т. е. адвокатом), до революции охотно выступал защитником на шумных политических процессах и прослыл талантливый оратором. Именно это послужило поводом для избрания его в 1912 г. в Думу, где его красноречие было замечено. После февраля 1917 г. во Временном правительстве он сперва получил портфель министра юстиции. Но через два месяца Керенский уже военный и морской министр, а с августа того же года — глава правительства — «министр-председатель» и верховный главнокомандующий!

Что это был за человек? Фигляр, позер, истерик — такими словами характеризовали его некоторые со временники. В. И. Ленин назвал его «героем фразы», «министром революционной театральности» и даже «балалайкой». Речи Керенского не блистали ни глубиной анализа, ни оригинальностью обобщений, ни самобытной яркостью образов, ни логикой построений. Они состояли из крикливых фраз и заезженных штампов: «родина в опасности», «завоевания революции в опасности», «русский народ — самый свободный народ в мире», «нож в спину революции» и т. п. Почему же его выступления поначалу оказывали столь сильное впечатление? Секрет был в том, как эти речи произносились — с пафосом, с наигранной горячностью, с театральными приемами. Он то доводил голос до шепота, то отдельные фразы выкрикивал, неистово жестикулировал. На первых порах неискушенным это казалось проявлением энергии, искренности, вдохновения, таланта. Керенского не раз встречали овациями. Его сопровождала кляка восторженных барыnek, которые после каждой речи осыпали его цветами. Совет Республики и Временное Правительство не раз стоя приветствовали его. Но все это был

построенный на внешнем эффекте успех актера, а не государственного деятеля.

Выступать с речами доставляло Керенскому наслаждение. Именно речи приносили ему успех. Так он и управлял с помощью одних речей и трескучих приказов сперва всей российской юстицией, затем армией и флотом воюющей страны, а затем огромным государством со всеми его вооруженными силами. Вернее пытался управлять, а еще вернее, воображал, что управляет. Все строилось на эффекте. Когда Керенский появлялся на сцене Мариинского театра с намерением произнести очередную речь, с ним выходили его адъютанты и вытягивались по стойке «Смирно!» Подобный кордебалет вызывал насмешки, но Керенский их не замечал. Он разъезжал по Петрограду в открытом автомобиле с единственной целью покрасоваться перед публикой. Сам он так вспоминал об одной из таких поездок: «Улица — прохожие и солдаты — тотчас узнавали меня. Военные вытягивались. Я отдавал честь, как всегда, немного небрежно и слегка улыбаясь». Став министром-председателем, Керенский немедленно поселился в Зимнем дворце, в покоях Николая II. Созерцание собственной персоны в царских апартаментах было для него настолько упоительным, что он не видел всей неуместности этого для «вождя революции». Именно за это он получил презрительные клички «Александра IV» и «новой Александры Федоровны» (жена Николая II была ему тезкой и по имени, и по отчеству). Надменность и выпренность, которые сам Керенский принимал за величественность, росли со скоростью, не уступавшей его карьере. В Зимнем он уже как самодержец говорил: «Мой народ». В беседах с подчиненными он вел себя, как на сцене: «Генерал! Подойдите сюда! Доложите, как Ваши дела!» — подзывал он кого-нибудь из военных советников.

Почему же Февральская революция поставила во главе государства подобную фигуру? Она тоже была стихийным взрывом в стране, измученной войной, нуждой и начавшимся голодом, отказавшейся от своего «повелителя-царя». Дума, к которой должна была бы перейти власть, оказалась в состоянии растерянности. Она боялась взбунтовавшихся низов. И в дни сумятицы, неразберихи, отсутствия твердой власти стихия вознесла на мутной волне внешне эффектную, но по существу пустую фигуру Керенского. Лишь потом, когда дело дошло

до решительных схваток, когда произошла явная расстановка сил по разные стороны баррикад, когда потребовались не пышные речи и вдохновенные порывы, а жестокая, беспощадная, тяжелая борьба двух лагерей, в каждом из них появились иные вожди.

Гапону также довелось испытать опьяняюще сладкий напиток славы. Бежав после 9 января за границу и оказавшись в Женеве, Гапон, не владевший ни одним иностранным языком, не знавший куда приткнуться, почувствовав себя беспомощным, целиком отдался опеке эмигрантов-революционеров. Но однажды, проходя мимо какой-то витрины, он буквально остолбенел от радостного изумления. В витрине была выставлена почтовая открытка с его портретом! На несколько минут он застыл, поглощенный созерцанием своего изображения. Его спутник был поражен лицом Гапона — человека, упивающегося своей славой. С того дня Гапона как подменили. Ему уже было мало встреч с эмигрантами-революционерами, которым он с пафосом рассказывал о 9 января! Он захотел давать интервью, наносить визиты, представляться видным лицам. В Женеве, потом в Париже, в Лондоне выбор визитов не отличался строгой системой: от Ленина до Клемансо, от Жореса до английской принцессы. Мода на Гапона росла. Появились театральные и просто балаганные представления о нем. Афиши пестрели буквами «Гапон». Он сам являлся на эти зрелища и упивался обращенными на него взорами. Гапон не упускал случая похвастаться, что в одном лондонском музее выставили его бюст (не был ли это музей восковых фигур?) и что «в Париже сделают тоже» (здесь он явно преувеличивал). Какая-то приехавшая из России дама сообщила ему, что якобы рабочие собирают деньги, чтобы поставить ему памятник. «При жизни! Как никому!» — восторгался Гапон.

Когда интерес к Гапону стал угасать, он объявил, что хочет устроить над собой общественный суд, чтобы оправдать свое имя в глазах рабочих, так как поползли слухи о его связях с тайной полицией. «Пусть докажут с документами в руках, что я — провокатор и предатель! А материала нету! Моя совесть чиста!», — говорил он товарищу, отлично знавшему о его связях с царской охранкой. Он играл бескорыстного борца за свободу даже перед самим собой, забывая о полученных к тому времени деньгах от жандармерии на «раскрытие заговора против царя». Когда же представители левых партий согла-

сились на такой суд, он объявил, что на него не пойдет и всю левую печать обвинил в том, что она подкуплена его врагами.

Как страстно хотят истерические личности быть больше, чем они есть на самом деле. Не задумываясь, готовы занять любой пост, лишь бы повыше и повиднее. Керенский, сугубо штатский человек, как судачили о нем, до этого ни разу в жизни не видевший пулемета и вряд ли способный отличить эсминец от крейсера, охотно принял пост военного и морского министра. Когда на заседании Временного правительства зашла речь о назначении его Верховным главнокомандующим, он вначале картинно отказывался, не в силах сдержать самодовольную улыбку, и, конечно, дал себя уговорить.

Гапон, не знавший различий в позициях разных революционных партий, охотно принял предложенную эсерами роль «надпартийного вождя всех рабочих». Его тоже пленила «верховная роль». Еще большей его авантюрой было намерение поднять в Петербурге вооруженное восстание. На собранные в России пожертвования Гапон закупил в Англии оружие и нанял пароход, капитан которого согласился выгрузить это оружие на пустынном острове недалеко от русской границы. По воспоминаниям Н. К. Крупской, Гапона поддерживал В. И. • Ленин, который в этом предприятии видел переход от слов к делу и также мечтавший о вооруженном восстании. Но пароход сел на мель, а добраться до острова вообще оказалось невозможно. Гапон уже пробрался в Питер по поддельному паспорту и вынужден был скрываться в убогих квартирах рабочих. На Гапона это произвело удручающее впечатление. Жить нелегально, впроголодь, никому не показываясь, совсем не то, что выступать, ничем не рискуя, на людных собраниях. Истерические личности в крайних случаях готовы идти на жертвы, но на неизвестные — никогда. Гапон явно видел себя вождем восстания, опрокидывающего трон и возносящего его самого на головокружительную высоту. Один из эсеров вспоминает, что в дни, когда ждали оружие, кто-то, не зная Гапона в лицо, сказал при нем: «Был у нас в России Гапон, а теперь нужен Наполеон!». Гапон, не смущаясь заявил: «А может быть я и буду Наполеоном». О том, как будущий вождь восстания должен готовить себя к этой роли, представления у Гапона были самые наивные. Учиться он не хотел, читать не любил. Зато в Женеве тренировался в стрельбе и брал уроки верховой езды.

Подчеркнутое внимание к своей внешности, костюму, манерам и позе, всегда наигранным и неестественным, служит той же цели — создавать впечатление о личности «необычной».

Керенский выбрал для себя позу Наполеона. Правую руку он закладывал за борт френча, а левую заводил за спину. Наполеон держал ее сзади треуголку. У Керенского ее не было и его левая рука довольно странно свешивалась с поясницы. Военный френч без знаков отличия словно показывал, что он, бывший адвокат, выше всех генералов и адмиралов.

Претендент на роль надпартийного вождя рабочих питал слабость к изысканной одежде. Выходец из крестьянской среды, смотревший на мир глазами бедного сельского духовенства, в богатой одежде Гапон видел верный способ показать свою незаурядность. В Париже, перед визитом к Клемансо он устроил безобразную сцену опекавшим его эсерам за то, что те не купили ему недавно вошедшую в моду рубашку с гофрированной грудью. Вернувшись в Россию, Гапон поразил знакомых тем, что стал слишком роскошно одеваться. Для того, кто собирался ежедневно бывать в бедных рабочих кварталах, такая вызывающая роскошь была ни к чему. Но Гапон этого не хотел понять.

В минуты опасности, когда требуется истинная твердость и неподдельная решительность, истерики обнаруживают всю свою слабость. В такие моменты они охотно отдают себя в распоряжение тех, кто случится рядом и изъявит готовность их спасти. Но когда опасность миновала, избавитель тотчас отодвигается на задний план, чтобы не мешал все заслуги приписать себе и еще раз покрасоваться.

Спасение Гапона из-под пуль 9 января взял на себя один из активных деятелей партии эсеров — Петр Моисеевич Рутенбург. Во время демонстрации у Нарвских ворот он шел рядом с Гапоном. Под пулями он затащил Гапона в ближайшую подворотню, руководил его переодеванием и пострижением. Конечно, у этого эсера были свои планы использовать Гапона, чтобы упрочить влияние своей партии в массах петербургских рабочих. Он решил укрыть Гапона на конспиративной квартире. Гапон был растерян, бледен, слаб, послушен, как дитя, его била нервная дрожь. Он охотно отдал Рутенбургу опасную теперь петицию к царю. Но как только они проникли в безопасную часть города, Гапона словно подменили. Незнакомым людям он назы-

вал свое имя, рассказывал как повел рабочих. С помощью тех же эсеров охотно укрылся в имении подальше от Петербурга, взял от них же крупную сумму денег, узнал, как тайком перейти границу, и сбежал от своих покровителей в Швейцарию.

Удрав 25 октября из Петербурга в Гатчину, Керенский там получил из Верховной ставки в Могилеве от генерала Духонина телеграмму, текст которой он понял так, что для борьбы с большевиками на фронтовые части рассчитывать не приходится. Прочитав текст, Верховный главнокомандующий... упал в обморок. Правда не молниеносно, не как подкошенный, а с той расчетливой скоростью, которая позволила его адъютантам подхватить его под руки и уложить в глубокое кресло. Над ним хлопотали с водой и нашатырным спиртом. Но он очнулся только после того, как один из офицеров вслух перечитал телеграмму и стало ясно, что кое-какую помощь Духонин все же обещал. Тут Керенский сразу оживился, приказал подать специальный поезд и отправился в Псков. Это был далеко не первый обморок у Керенского за его непродолжительную государственную карьеру. После страстных речей он не раз сваливался в полуобморочном состоянии, его отпаивали валерианкой и давали нюхать эфир. В Пскове командующий Северным фронтом генерал Черемисов встретил Керенского холодно и искренне посоветовал поскорее убраться за границу. Тогда Керенский обратился к командиру казачьего корпуса генералу Краснову, который еще недавно вел свой корпус на Петроград, чтобы свергнуть правительство Керенского и подавить Февральскую революцию. Но Краснов сам решил воспользоваться Керенским. Быстрым наскоком казаков он занял Гатчину. В царских покоях гатчинского дворца настроение Керенского круто изменилось. Теперь он уже отдавал приказы Краснову: «Я приказываю Вам, генерал, сегодня же идти дальше!». Но осторожный Краснов сперва овладел Царским Селом. Тотчас Керенский примчался туда в открытом автомобиле с адъютантами и нарядными дамами. Он уже захотел отодвинуть своего спасителя на задний план. Решил вдохновлять контрреволюционных казаков своими речами. Но красоваться ему не довелось. Под Пулковым красновцы встретили такое яростное сопротивление матросов и красногвардейцев, что о «водворении порядка в Петрограде» уже не могло быть и речи. Снова оказавшись в Гатчине, Керенский превратился в пленника красновских

казаков, которые у его апартаментов выставили караул и вступили в переговоры с матросами-большевиками. В панике Керенский метался по комнате. Его страшил казачий самосуд. «Надо бежать! Машина ждет за парком. Если бы найти какой-нибудь костюм!». Жившая во дворце старуха — великая княгиня дала платье сестры милосердия. У нее же оказалась молодая особа тоже в костюме сестры милосердия (в части гатчинского дворца был госпиталь). Эта особа согласилась Керенского сопровождать. Молва приписывала эту роль известной актрисе Александрійского театра в Петрограде Е. Тиме. Второпях натянул на себя Керенский длинное серое платье, косынку и белый передник с красным крестом. Адъютанты не могли сдержать смех. Плохо выбритый, с рыжей щетиной, бледный от страха Верховный главнокомандующий был похож на старую рыхлую бабу с отвисшей челюстью. Смеха Керенский не мог снести даже в столь отчаянный момент. Сорвав с себя надетое, он опять в обморочном состоянии свалился в кресло. Но дал адъютантам снова натянуть на себя комический наряд. Инсценировка удалась. Казаки посторонились, давая дорогу молоденькой сестре милосердия, которая заботливо вела под руку другую, старую сестру, видимо полупарализованную, так как у нее подкашивались ноги. На этом маскарад не кончился. В Пскове Керенскому пришлось переодеться уже в костюм гусара, чтобы перейти границу.

Как известно, в минуту трудную, когда не удастся выпутаться из неприятного положения, истерические личности нередко грозят суицидом и даже совершают демонстративные, но всегда неэффективные попытки самоубийства, стараясь все устроить так, чтобы их вовремя спасли. Все это делается, чтобы кого-то разжалобить или испугать и тот помог выкрутиться. 4 т

Керенский перед побегом призвал к себе Краснова и спросил его. «Как вы думаете, генерал, не следует ли мне покончить с собой?». Спросил с пафосом и с расчетом на помощь и спасение. Но Краснов холодно посоветовал ему сдаться в плен большевикам, так как за казаков он не отвечает. Мысли о самоубийстве сразу прошли.

В трудное положение попал однажды и Гапон. В одной газете появилось письмо рабочего Н. Петрова о том, что Гапон получает деньги от полиции. Известный своей честностью и преданностью дру-

гой рабочий Черемухин решил убить Петрова. Гапон охотно дал ему револьвер. Но тут другой сподвижник Гапона удрал с крупной суммой денег. На большом собрании рабочих Гапон вынужден был признаться, что деньги получил от полиции, но, как он говорил, не для себя, а на хорошее дело — на организацию рабочих клубов. Тут Черемухин с возгласом «Нет правды на земле!» пустил себе пулю в висок из револьвера, что дал ему Гапон. Тот бросился к мертвому и всем своим поведением дал понять, что хочет последовать за ним. Рабочие отняли у него револьвер и долго (по словам Гапона полтора часа) упрасивали своего батюшку не убивать себя. Тот долго куражился, но, конечно, дал себя уговорить не накладывать на себя рук, когда все присутствующие дали торжественную клятву всю жизнь служить рабочему делу!

Если истеричные натуры охотно отдаются во власть своих опекунов в минуты опасности, то на пути к славе они популярность ни с кем делить не желают. Соперников своих стараются всячески унижить и по возможности от них избавиться.

Когда на рабочих окраинах Петербурга назревали события 9 января социал-демократы и эсеры старались взять руководство ими в свои руки. Но проповеди Гапона так настраивали рабочую массу против «интеллигентов» и «студентов», что фанатичная толпа изгоняла с собраний профессионалов-революционеров, а кое-где их даже избивали. Гапон никак не препятствовал этим эксцессам, хотя в те дни пользовался огромным влиянием. В революционерах он тогда видел своих соперников, с которыми популярности среди рабочих делить не хотел.

Что вызвало у Керенского жгучую ненависть к кадету Милюкову и меньшевику Мартову — лидерам сотрудничавших с ним партий? Никаких принципиальных расхождений по программным вопросам у них не было. Но однажды, после какой-то трескучей речи Дума стоя овацией приветствовала Керенского.

Но как впоследствии вспоминал Керенский: «в минуту этого национального взрыва некоторые вожди ... продолжали сидеть, когда все собрание поднялось, как один человек. Эти непримиримые были: интернационалист с.-д. Мартов и к.-д. Милюков».

Истериков, рвущихся к славе и власти, отличает удивительная беспринципность. Они с легкостью меняют взгляды, вкусы, установки, следуя только одной цели — удовлетворению тщеславия. На первых порах эту беспринципность другие могут принимать за гибкость, незлобивую уступчивость, интерес к новым взглядам. Но подобная ошибка вскоре обнаруживается. Не случайно, что поднятые на вершину волны стихийного Движения истерические вожди на спаде этой волны предают то движение, которое их вознесло.

Бежав после январских событий 1905 г. за границу и потеряв связь с опекавшими его эсерами, Гапон попал в Женеву. Без знания языков, без средств, он на первых порах оказался в затруднительном положении. Тогда он явился к жившему там Г. В. Плеханову и признался, что в душе всегда был социал-демократом и сейчас считает себя таковым, что 9 января его спас социал-демократ (хотя отлично знал, что это был эсер). Плеханов Гапона встретил с удивлением, довольно холодно, но помог устроиться. Он спросил Гапона, что если тот — социал-демократ, то нельзя ли об этом написать Каутскому и напечатать в его газете «Форвертс». «Не только напишите, телеграфируйте!» — воскликнул Гапон. Когда впоследствии все прояснилось, все чувствовали себя неловко, кроме Гапона, который заявил, что его неправильно поняли. На собраниях социал-демократов он соглашался с одними взглядами, у эсеров — с противоположными. Эсеры приняли сперва Гапона в свою партию. Но их жесткая партийная дисциплина Гапону сразу пришлась не по душе. Истерик не выносит дисциплинарных преград для своего эгоцентризма. Своими хвастливыми и противоречивыми заявлениями Гапон быстро поставил эсеровскую партию в такое неудобное положение, что не прошло и двух месяцев, как его попросили выйти.

В подворотне среди раненых 9 января Гапон кричал: «Нет больше Бога! Нет больше царя!» Вечером того же дня подписывает составленную от его имени эсерами прокламацию «Смерть зверю-царю!». Но не проходит и года как он посылает царскому министру Дурново письмо, где распинается о святости особы государя. Кончил же Гапон предательством и изменой. Тайно вернувшись из эмиграции в Россию в надежде поднять вооруженное восстание, но увидев спад революционной волны, страшась, что его арестуют и повесят, он легко пошел на связь с царской охранкой. Он дал себя «уговорить» одному из высших

полицейских чинов Рачковскому. Тот умело подыскал ключ к сердцу Гапона. действуя лестью, восторгами в его «гениальности», «откровенными» признаниями, каким опасным считает Гапона царская охранка. Доверительно рассказал Гапону, что его прокламация и публичное письмо царю навели на того мистический ужас. Рачковский говорил Гапону, что у правительства нет талантливых людей. И ломая руки, дрожащим голосом этот полицейский генерал изливался Гапону: «Я — стар. Никуда уже не гоюсь. А заменить меня некем. России нужны такие таланты, как вы. Возьмите мое место! Мы будем счастливы!». Гапон, видимо, таял от удовольствия. Наконец, он услышал то, чего не мог дожидаться от революционеров. «Рачковский сразу поддался моему обаянию, — заявил он в последствии. — Я людей знаю хорошо и видел это ясно!». Лиса-Рачковский старался не зря. Сыр выпал изо рта вороны. По настоянию Рачковского Гапон тут же написал компрометирующее его письмо с сожалением о своих прежних «крайних взглядах» министру внутренних дел Дурново. Тогда Рачковский передал Гапона в руки начальника петербургской охранки, а тот уже не церемонился. Потребовал называть имена и конспиративные явки, а взамен получать деньги.

А Керенский? Став министром юстиции, он ратовал с думской трибуны за отмену смертной казни, став военным министром, сразу потребовал ее возобновления. Он громче всех кричал о мире и погнал измученную армию в наступление. Он издавал одни приказы и тут же заменял их противоположными. Своими речами он расшатывал и без того слабую дисциплину, а потом пытался ее укрепить «эффектными» мерами. Например, он придумал беспрецедентное наказание для пулеметного полка в Петрограде, выступившего в июне 1917 г. против временного правительства. Безоружными вывели солдат на площадь и предали поруганию — под свист и улюлюканье зевак «заклеймили позором». Не случайно в октябре этот полк одним из первых перешел на сторону большевиков и охранял Смольный. Керенский заигрывал с рабочими, когда ему грозил Корнилов, и бросился в объятия корниловца Краснова в страхе перед большевиками. Уже в мае он предал ту революцию, которая вознесла его в феврале.

Склонность к соблазнительным фантазиям, как известно, является неотъемлемой чертой истериков. Но особенно они предаются

несбыточным грезам, когда действительность оказывается совсем не такой, какой хотелось бы.

Гапон, «соблазняя» одного из эсеров-террористов службой в царской охране мечтал о том, как хорошо было бы взорвать департамент полиции, где, видимо, по его представлению, хранились компрометирующие его документы. Деньги от охраны можно и взять, но пустить их на пользу рабочих. А самой охране можно никого не выдавать. А если и придется кого-то назвать, то этого человека можно заранее предупредить и он успеет скрыться. Надо только «как-нибудь» устроить, чтобы все спаслись. А речь шла о выдаче заговора об убийстве одного из министров, и выданных ждала бы виселица. Будучи сам агентом охраны, Гапон предлагал убить и ее начальника, и Рачковского — тех, кто его завербовал и даже предлагал эсерам свои услуги, только чтобы ему «помогли».

Высокое положение Керенского определяло и далеко идущие мечты. Безумной фантазией было бросить в наступление против немцев деморализованную, уставшую, плохо вооруженную русскую армию и ждать лавровый венок победителя. У фронтовых частей, уже возненавидевших после этого Временное правительство, он решил искать помощи в борьбе с перешедшим на сторону большевиков петроградским гарнизоном. «За солдатскую массу я отвечаю! Я сам поведу войска к Петрограду!» — заявил он утром 25 октября. Его приказы носили иногда нелепо-фантастический характер. Узнав о том, что суда Балтийского флота (неизвестно какие) устремляются к Неве, Керенский радиogramмой отдает решительный, но весьма неопределенный приказ: «Всем судам, идущим в Петроград без разрешения Временного правительства! Приказываю: командирам подводных лодок топить суда, не повинующиеся Временному правительству». Так как никому, да и ему самому, неизвестно было, какие суда не повинуются, а на подступах к Неве никаких подводных лодок не было, то неизвестным оставалось кто кого должен топить.

Оказавшись с Красновым в Царском селе, Керенский немедленно воспользовался его мощной радиостанцией и отдал приказ давно ему не повинующемуся петроградскому гарнизону: «Всем частям Петроградского военного округа, по недоразумению и заблуждению примкнувшим к шайке, вернуться не медля ни часу, к исполнению своего долга. Идите спасти Петроград от анархии, насилия и голода и Россию

от несмываемого позора, наброшенного темной кучкой невежественных людей, руководимой волей и деньгами императора Вильгельма».

При всей недалёковидности, отсутствию реальных планов к нерассудительности истерические натуры оказываются удивительно предусмотрительными во всем, что касается денег.

Гапон из своей неожиданной популярности сумел извлечь немалую материальную выгоду. За 10 тыс. рублей согласился издать свои воспоминания о 9 января. Он печатался в лондонской «Тайме» и эта респектабельная газета платила ему бешеные гонорары. Разыграв роль «надпартийного вождя», за которым идут «все рабочие России», от неизвестного лица Гапон заполучил огромный по тем временам капитал в 50 тыс. франков на «организацию революционного движения». Ходили слухи, что эти деньги были из весьма сомнительного источника — от японского посланника в Париже. Россия еще вела войну с Японией. Вряд ли до Гапона эти слухи не доходили. В его адрес поступало еще много разных пожертвований. Конечно, значительная часть этих денег шла далеко не на революционные дела. Вернувшись в Россию, Гапон вскоре стал жить на широкую ногу, ездил по роскошным ресторанам, шикарно одевался. Один из эсеров вспоминает, как в Москве мчался Гапон на тройке по только что сожженной и расстрелянной рабочей Пресне пировать в «Яр». С гиканьем и свистом, как загулявший купчик. И в России Гапон сумел заполучить от Витте 30 тыс. на «восстановление рабочих отделов» (т. е. клубов).

Когда Керенский после Октябрьской революции сбежал за границу, на его личном счету в иностранном банке оказалось 350 тысяч рублей золотом! Вряд ли он сумел скопить их из прежних адвокатских гонораров или за 8 месяцев министерского жалованья.

Истерических вождей ждет, как правило, безрадостная судьба. Час их величия уходит, как только минует момент стихии, ситуация меняется и от лидеров общественных движений уже требуются не громкие слова и бурные эмоции, а ум, выдержка и воля. Не склонные к самокритике, всегда готовые свалить вину за свои неудачи на других, беспринципные, готовые на предательство истерические вожди пожинаят горькие плоды.

Вся остальная жизнь Керенского — эмиграция, мечты о несбывшихся надеждах, фантастические планы, неискренние мемуары,

попытки читать лекции о России. Эмигранты его презирали. Раз на одной из лекций он получил публичную пощечину со словами «Предателю России!».

Судьба Гапона гораздо трагичней. Группа эсеров-террористов, узнав, что он хочет выдать их боевую организацию, сурово с ним расправилась. П. М. Рутенбург, спаситель Гапона 9 января, назначил ему свидание на даче под Петербургом, в Озерках. Гапон приехал, чтобы еще раз попытаться соблазнить Рутенбурга службой в охране. Рутенбург умело повел разговор, и Гапон раскрыл карты. Предложил Для начала от имени охраны 25 тысяч. Крупные суммы, получаемые от охраны, готовность отправить товарищей на виселицу — все прозвучало в ответах Гапона на искусные вопросы Рутенбурга. А за стеной сидела и слушала группа рабочих-эсеров. Короткий самосуд и тут же на даче Гапона повесили.

Был ли Гапон провокатором от начала до конца, как это было принято представлять некоторыми советскими историками в прошлом?

Скорее, это упрощенная точка зрения. Истерическим личностям свойственны порывы, когда они возносятся на головокружительную высоту и сами верят в свое предназначение. Но они бросают свои увлечения, как только они перестают удовлетворять их эгоцентрические потребности и устремляются к крайностям, нередко противоположным.

В И. Ленин в Женеве расспрашивал Гапона о 9 января и после этой беседы написал: «На меня он произвел впечатление человека, безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выраженного революционного мирозерцания» (Соч., изд 5-е, т. 10, с 180). Не прошло и года как этот «безусловно преданный революции» стал агентом царской охраны. Зато Н. К. Крупская, поившая Гапона чаем и беседовавшая с ним о его прошлой жизни, назвала его хитрым попом, шедшим на какие угодно компромиссы. Эти две, казалось бы, исключаящие друг друга характеристики отражают суть истерической личности. Разные личины они умеют надевать не только для других, но и для самих себя.

С точки зрения психиатрической диагностики, руководствуясь критериями П. Б. Ганнушкина — О. В. Кербикова, у Гапона можно было бы диагностировать истерическую психопатию (гистрионическое

расстройство личности, по 10-му пересмотру Международной классификации болезней) Его истерические черты не позволили ст^л адаптироваться ни как священнику, ни как вождю стихийной массы, ни в среде революционеров, ни в царской охранке Зато Керенский скорее может служить примером истероидного типа акцентуации характера, т. е. крайним вариантом нормы. Он был преуспевающим адвокатом, вознесся на волнах Февральской революции и вовремя унес ноги, когда дело запахло для него порохом, и довольно неплохо приспособился к жизни в эмиграции — дотянул до глубокой старости.

История дает не только социальные, но и психологические уроки Когда во главе разного рода «стихийных взрывов», «ультра революционных порывов» встают истерические личности, внешне эффектные, внутренне пустые, можно смело предполагать, что печальная судьба ждет и их самих, и возглавляемые ими движения.

Настоящий очерк был подготовлен к публикации 20 лет назад, в журнале «Наука и религия» (1970, № 1), но исключен по указанию «руководящих органов», нашедших, видимо справедливо, что он будет вызывать «нежелательные ассоциации»

БИБЛИОГРАФИЯ

Раздел 1

1. (Биндер Г.). Binder H. Стойкие психопатические состояния, патологические реакции и развития.— В кн.: Клиническая психиатрия / Под ред. Г. Грул-ле и др. Пер. с нем. — М.: Медицина, 1967, с. 143—165.

2. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий. Их статика, динамика, система тика. — В кн.: Ганнушкин П. Б. Избр. тр. М.: Медицина, 1964, с. 116 — 252.

3. Королев В. П. Вопросы клиники и систематики паранойяльных реакций и развития. — В кн.: III Всеросс. съезд невропатол. и психиат. М., 1972, т. 2, с. 81—83.

4. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. - Л.: Медицина, 1977, 208 с.; 2-е изд. доп. и перераб. Л.: Медицина, 1983, 265 с.

5. Молохов А. Н. О параноических и параноидных реакциях.— В кн.: 50 лет психиатрической клиники им. С. С. Корсакова. М., 1940, 99 с.

6. Наджаров Р. А., Смулевич А. Б. Клинические проявления шизофрении. Формы течения. — В кн.: Руководство по психиатрии в двух томах / Под ред. А. В. Снежневского. М.: Медицина, 1983, т. 1, с. 304—355.

7. Павлов И. П. Проба физиологического понимания навязчивого невроза и паранойи (1934). — В кн.: Павлов И. П. Поли. собр. соч. М. — Л.: изд. АН СССР, 1951, т. III, кн. 2, с. 251—266.

8. Печерникова Т. П. Паранойяльные состояния в динамике психопатий.— Журн. невропатол. и психиат., 1979, вып. II, с. 1578—1582.

9. Попов Ю. В Новый подход к диагностике психопатий (расстройств личности). — Обозр психиат. и мед психол., 1991, №2, с. 5—14.

10. Смулевич А. Б. Параноический тип. — В кн.: Руководство по психиатрии в двух томах / Под ред. А. В. Снежневского. М.:

Медицина, 1983, т. II, с. 406—410.

11. Смулевич А. Б., Щирин М. Г. Проблема паранойи. — М.: Медицина, 1972, 184 с.

12. Шостакович А. Б., Матвеев В. Ф. Паранойяльный тип. — В кн.: Руководство по психиатрии / Под ред. Г. В. Морозова. М.: Медицина, 1988, т. II, с. 309—310.

13. ISD-10. 1988. Draft of chapter V. Mental, behavioral and developmental disorders. Clinical descriptions and diagnostic guidelines. — Geneva: WHO. 1988, 209 p.

Раздел II

1. Авторханов А. Загадка смерти Сталина. — Новый мир, 1991, № 5, с. 194—233.

2. Белкин А. Был ли Сталин психически болен? — Медицинская газета, 1988, 11 ноября.

3. Версия без аргументов. — Социалистическая индустрия, 1989, 28 апреля, № 98 (5989), с. 4.

4. Волкогонов Д. Феномен Сталина. — Литературная газета, 1987, 9 декабря, № 50 (5168), с. 13

5. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. — Октябрь, 1988, № 8, с. 51 — 133; № 10, с. 3 — 55, № 11, с. 16—129; № 12, с. 46 — 166; 1989, № 7, с. 12—77.

6. Гай Д. Конец дела врачей. — Московские новости, 1988, № 6, 7 февраля, № 6, с. 16.

7. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий Их статика, динамика, система тика. — Избр. тр., М.: Медицина, 1964, с. 116 — 252. • , д

8. Кербигов О. В. Избранные труды. — М.: Медицина, 1971.

9. Консилиум; — Литературная газета, 1989, 2 августа, № 31 (5253), с. 13.

10. Костиков В. Концерт для глухой вдовы. — Огонек, 1989, № 7, с. 6 — 10.

11. Леонгард К. (Leonhard K.). Акцентуированные личности. Пер. с нем. — Киев: Выща школа, 1981.

12. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Изд. 2-е доп. и перераб., Л.: Медицина, 1983.

Раздел III

1. Аммон Г. (Ammon Y.) Динамическая психиатрия и гуманоструктурология. — Обзор психиат. и мед психол., 1994, № 2.

2. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий. Их статика, динамика, система тика. — В кн.: Избр. тр. М.: Медицина, 1964, с. 116 — 252.

3. Гордова Т. Н. Клиника и течение прогрессивного паралича, леченного малярией — М.: Медгиз, 1959.

4 Кербиков О. В. К учению о динамике психопатий. — В кн/ Избр. тр. М.: Медицина, 1971, с. 163 — 187.

5 Коваль В. С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 *m* — Киев. изд АН Украинск. ССР, 1960.

6 Крепелин Э. Учебник психиатрии для врачей и студентов. Пер. с нем. — М 1912 — 1920, т. 1—2.

7 Кронфельд А. Дегенераты у власти. — М : изд. Медицинский работник, 1941, Синапс, 1993, № 4, с. 57—68.

8 Литманович А Чем болел Адольф Гитлер? — Медицинская газета, 1993, № 86, 29 октября, с. 11. „ „